

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ МОСКВЫ XX ВЕКА

Воспоминания православного христианина

Михаил Макаров

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ МОСКВЫ XX ВЕКА

Воспоминания православного христианина

Галактика
1996

Часть первая

ДЕТСТВО

Легендарный московский архидиакон К. Розов

Сейчас не помню точно, но думаю, что это было в 1922 году. Летом наша семья из Москвы никуда не выезжала, и я ходил гулять в Нескучный сад и дальше, на Воробьевы горы.

Путь мой обычно проходил через Донской монастырь.

При этом мое внимание привлекали военные, стоявшие у ворот и в воротах, они «охраняли» Патриарха Тихона,[1] содержавшегося в то время под домашним арестом во флигеле, слева от монастырских ворот.

Однажды, подходя к северным воротам, я увидел Патриарха, медленно шедшего по стене по направлению к ближайшей башне. Очевидно, это была его прогулка. Стража внимательно следила за ним. Он дошел до башни и стал возвращаться назад.

Тут я подошел ближе к стене и сложил ладони рук, прося его благословения.

Патриарх увидел меня, лицо его просияло доброй улыбкой, и он широко и не спеша благословил меня со стены.

Военные молча, не двигаясь с места, смотрели на Патриарха и на меня. Они мне ничего не сказали, видимо потому, что я был тогда шестнадцатилетним мальчиком.

Это благословение всегда свежо в моей памяти, как будто я получил его только сейчас. Па-

[1] Свт. Тихон (Белавин), Патриарх Московский и всея Руси с 1917 по 1925 год. Умер в 1925 году. Прославлен в лике святых в 1988 году. — Ред.

триарх, как живой, стоит перед моими глазами с его сияющей доброй улыбкой, с его приветливым радостным взором из-под нависших седых бровей.

Прославление Патриарха Ермогена

В 1912 — начале 1913 года все чаще и чаще стали вспоминать о Патриархе Ермогене,[1] его стойкости и непоколебимости в защите Родины, его мученической кончине, о чудесах, которые совершались по его предстательству и молитвам за Отечество.

Народ считал Патриарха святым. В печати стали появляться рассказы о его жизни. Кто-то написал житие. В. М. Васнецов написал картину «Патриарх Ермоген».

В апреле 1913 года Святейший Синод принял решение прославить Патриарха Ермогена, причислив его к лику святых Русской Православной Церкви. Прославление святителя было назначено на 11 мая.

Помню, как в нашей семье за несколько дней до прославления уже говорили о предстоящем торжестве, о том, что к гробнице Патриарха в Успенском соборе каждый день стекается много народу, что там почти непрестанно служат панихиды.

---

[1] Свт. Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси с 1607 по 1612 год, в Смутное время показал пример архипастырской твердости и мужества, призывал весь народ ополчиться для спасения Веры и Отечества. Поляки заперли его в келье Чудова монастыря и уморили голодом. — Ред.

Моя мать достала где-то житие Патриарха и прочла его нам, детям.

Я любил слушать жития святых, особенно жития преподобного Сергия и преподобного Серафима. Бывало, набегаешься за день, надо ложиться спать, но хочешь на ночь послушать житие и начинаешь просить маму:

— Мамочка, почитай мне про Серафима Саровского.

— Ну, хорошо, слушай. На чем мы остановились в прошлый раз?

— Как он кормил медведя.

Мама раскроет житие и начнет читать. В комнате и на дворе тихо. В углу мирно горит лампада перед иконой.

Слушаешь о святом старце, и на душе становится светло и спокойно. И в детской душе рождается мысль: «Ведь и я могу быть святым, если буду жить и поступать так, как преподобный Серафим». С этой думой и с детской молитвой преподобному так, бывало, незаметно и заснешь. Твердо могу сказать, что воспоминание о том, как я ребенком слушал жития святых, было одним из самых светлых в моей жизни.

И вот я слушаю житие патриарха Ермогена. Особенно запомнилось мне его участие в прославлении иконы Казанской Божией Матери; его смелые и стойкие ответы полякам, добивавшимся от него покорности и признания их власти над Россией; его заточение; его послания из заточения к русскому народу с призывами встать на защиту Родины; его героическая мученическая кончина; его молитвенная чудесная помощь страждущим людям.

Когда мама читала житие Патриарха, я вспомнил другой подвиг, о котором тоже часто вспоминали в то время и который тоже трогал до глубины души — подвиг Ивана Сусанина. Но подвиг Патриарха Ермогена по своему значению был выше подвига Ивана Сусанина. Этот подвиг и святые молитвы Патриарха помнил и чтил русский народ. И эта вечная и неоскудевающая память привела к прославлению святителя.

Настал канун торжества прославления. Утром по Москве раздавался колокольный звон: во всех храмах шли последние заупокойные обедни по Патриарху.

Помню, как вечером наша кухарка Степанида оделась по-праздничному и поехала в Кремль ко всенощной. За день перед тем она также была в Кремле и по возвращении рассказывала, как побывала в подземелье — месте заключения Патриарха. Потом, когда я смотрел на картину «Патриарх Ермоген в заточении», то каждый раз вспоминал рассказ Степаниды — так образно и верно она передала вид этого подземелья.

Я хотел пойти со Степанидой ко всенощной, но меня не пустили. Отец пообещал, что, если завтра будет такая же хорошая погода, он возьмет меня с собою в Кремль к обедне.

Хорошо помню этот прекрасный цветущий весенний вечер. Закат золотил затихший сад. Вдруг Москва загудела своим могучим звоном. Трезвонили одновременно все храмы Москвы. Степанида потом говорила, что этим звоном сопровождался торжественный крестный ход в Кремле с первым величанием новопрославленного святителя.

Степанида не только не попала в какой-либо из кремлевских соборов, но даже подойти к ним ей не удалось, — так много народа было в Кремле. Очевидно, именно поэтому после крестного хода в нескольких местах Кремля, прямо под открытым небом, начались всенощные, и народ, находившийся в Кремле, молился и славил нового угодника Божия за этими Богослужениями. Степанида рассказывала, что Кремль был хорошо иллюминирован, но иллюминация тонула в свете многих тысяч свечей, с которыми стояли молящиеся.

Степанида вернулась от всенощной очень поздно, я давно уже спал.

На другой день отец взял меня с собою в Кремль к обедне. Помню, как мы шли через Чугунный мост. Погода была прекрасная. Весь замоскворецкий берег напротив Кремля был покрыт народом. Купола соборов звонко сверкали на солнце. В Кремле звонили, и мне вспомнилось заблуждение моего более раннего детства, когда я думал, что звонят именно купола. Когда мы проходили в Кремль Спасскими воротами, звон прекратился. Отец велел мне снять картузик и сам снял фуражку. Я заметил, что и все мужчины, проходившие и проезжавшие Спасскими воротами, снимали головные уборы.

В Кремле было очень много народа. Нам пришлось остановиться у решетки на откосе Тайницкого сада, откуда мне были видны верхушка Царя-колокола, колокольня Ивана Великого и левее — Архангельский собор. Успенский собор за колокольней не был виден. В окружающей нас толпе говорили, что после обедни будет большой

крестный ход на Красную площадь. Мы стали ждать крестного хода. Было очень жарко. Дамы раскрывали зонтики от солнца, что вызывало ропот тех, кто не имел зонтиков и кому они мешали смотреть. По соседству с нами стояла дама с мальчиком-гимназистом. От жары с ним вдруг сделалось дурно, он побледнел и упал на руки встревоженной матери. Окружающие наперебой старались им помочь. Мне было очень жалко мальчика, но я ничем не мог ему помочь. Я вспомнил Михаловну и стал молиться за него. Вы спросите, кто такая Михаловна и почему я ее вспомнил? Хорошо, позднее я вам расскажу о Михаловне. Бывая потом в московских храмах, я иногда встречал этого мальчика. Мне вспоминалось, как с ним сделалось дурно в Кремле, и опять становилось жалко его, и я опять молился за него, вспоминая Михаловну.

Отец временами поднимал меня, сажал к себе на плечи и спрашивал: «Что ты видишь?». Мне в этом положении было видно далеко. И, насколько я мог охватить взором, — все пространство было заполнено множеством народа. Мне было отчетливо видно, что среди этого моря народа пролегает довольно широкая, свободная полоса, по сторонам которой стояли в две шеренги солдаты с распущенными знаменами и сверкавшими на солнце полковыми оркестрами. Это был путь для крестного хода. Путь шел из-за колокольни Ивана Великого по направлению к Спасским воротам.

Мне хорошо было видно, что на звоннице также много народу, среди которого был свободный проход к большому колоколу. Вот в этом проходе появилось четыре или шесть человек (сейчас

точно не помню). Они встали снаружи колокола и начали раскачивать в свою сторону язык колокола. По-видимому, и с противоположной стороны (мне ее не было видно) тоже стояли звонари. Огромный язык колокола плавно увеличивал свой размах. Вдруг звонари как-то особенно напряглись, и раздался густой басистый звон. Все начали креститься. На площади, где мы стояли, говорить обычным голосом стало невозможно — все покрывал этот могучий звон. Вскоре к нему добавился трезвон на звоннице, на колокольне Ивана Великого и трезвон всей Москвы. Все гудело.

Трудно передать словами, что я чувствовал. Я ликовал, я был в каком-то вдохновенном восторге. Да и какое русское сердце не ликует при колокольном трезвоне! Колокольный звон — это часть струн русской души, это часть нашей национальной культуры. Если тебе мешает колокольный звон, если он тебе неприятен, если он тебя раздражает, загляни внимательнее в себя — и увидишь, что ты уже не совсем русский.

Вот из-за колокольни Ивана Великого показались блиставшие на солнце хоругви. Должен сделать примечание относительно хоругвей. Соборные хоругви, да и хоругви в больших храмах, украшенные золотом, серебром и драгоценными каменьями, были настолько тяжелы, что носить их могли только очень сильные люди — настоящие богатыри. В Москве было даже Общество хоругвеносцев. Члены этого Общества носили красивые нагрудные серебряные значки.

В более поздние детские годы я видел крестные ходы вблизи, так как ходил с ними. Быва-

ло, забежишь вперед посмотреть, как несут хоругви. Древко хоругви, довольно объемистого диаметра, вставлялось в кожаный стакан с лямкой. Эту лямку надевал на себя коренастый детина, как говорят, «в плечах косая сажень», большей частью пожилого возраста — седой или с проседью, летописный красавец с волосами «на пробор», стриженными «под горшок», и с большой курчавой бородой, одетый в поддевку или сюртук. Справа и слева ему помогали специальными откидными древками на кольцах, прикрепленных к основному древку, еще два хоругвеносца — тоже коренастые, но послабее «коренника». Все они были без шапок. Когда я видел таких хоругвеносцев, перед моими глазами вставали «Три богатыря» В. М. Васнецова. Сходство было большое.

При появлении хоругвей солдаты, блестя штыками, вскинули ружья «на караул», и что-то заиграли оркестры.

За хоругвями несли очень большой образ благословляющего Патриарха Ермогена. Казалось, он сам шел по воздуху. Как только народ увидел этот образ, площадь как будто вздохнула. Покрывая колокольный звон, многотысячный народ «едиными устами» запел: «Святителю, отче наш Ермогене, моли Бога о нас». Очень многие встали на колени и так стояли, пока не пошел крестный ход. Я тогда впервые в жизни почувствовал, что народ — это огромная сила. И вот он собрался, чтобы прославить своего святого Патриарха-подвижника, пастыря, душу свою положившего за своих овец. Народ молился, радовался и торжествовал. И я — тоже. Вспоминая эту кар-

тину будучи взрослым, я заметил, что народное множество прекрасно «вписывается» в архитектурный ансамбль Кремля, гармонирует с ним. Не потому ли это происходит, что Московский Кремль — сердце России, что история Кремля тесно связана с народом.

За образом святителя Ермогена священники несли большие кресты и иконы. Священников и диаконов было очень много. Все они были в одинаковых белых ризах.

Потом священнослужители в митрах несли что-то похожее на плащаницу, осененную несколькими рипидами. Как я узнал потом, это был покров с гробницы Патриарха. На покрове был изображен Патриарх во весь рост. К этому изображению мы прикладывались, посещая Успенский собор.

За покровом шли попарно архиереи и в некотором отдалении, отдельно, еще три архиерея: два (парой) впереди и один сзади.

Стоявший рядом с нами высокий мужчина сказал, что это митрополиты Владимир (Петербургский), Макарий (Московский) и Антиохийский Патриарх Григорий.

За Патриархом, несколько отступив, шли какие-то мужчины в мундирах и очень хорошо одетые дамы, а затем двигался народ.

Отец за крестным ходом не пошел — было очень тесно, и мы отправились через Боровицкие ворота домой.

Вот все, что я, семилетний мальчик, видел, чувствовал и запомнил на прославлении священномученика Ермогена.

Мы должны неотступно просить его святых молитв об ограждении нашей страны от всяких напастей. Особенно в наш опасный век.

В Успенском соборе

Вскоре после прославления Патриарха священномученика Ермогена, мама, няня Варя, я и два моих младших брата поехали в Кремль поклониться святителю и приложиться к его гробнице.

Когда мы прошли Спасские ворота, меня поразил своим раздольем холм Кремля, с которого открывался волнующий вид Замоскворечья с его многочисленными золотыми главами храмов и монастырей.

Меня удивил своей величиной Царь-колокол. Я подошел к нему и постучал кулаком по его огромному, блиставшему медью осколку. Я ожидал, что осколок зазвенит от моего стука, но монолитная глыба отвечала мне каменным молчанием, и я лишь отбил себе руку. Я подумал: как же мог звонить этот колокол, если даже его осколок не издает никакого звука?

Мы вошли в собор. Молящихся почти не было. На клиросе что-то читали. Мама пошла к свечному ящику купить свечи, а няня повела меня к южной стене собора, чтобы там подождать маму.

У стены за барьером сидел на скамейке великан в рясе. Крупная голова его была в густых, черных с отливом волосах, спускавшихся до плеч. Красивое большое лицо с черной, как смоль, бородой, с такими же густыми черными бровями и с большими внимательными глазами

в очках с черной оправой выглядело выразительно и строго. Он был очень грузен и, казалось, раздавит скамейку, на которой сидел.

Няня остановилась с моими братьями почти рядом с ним и стала внимательно и довольно бесцеремонно его рассматривать. Она думала, как потом призналась, что он не может ходить — так он был грузен.

И вдруг... Человек этот внезапно и быстро встал и так же быстро пошел из-за барьера. Для Вари это было совсем неожиданно. Она кое-как схватила за руки своих питомцев и испуганно метнулась в сторону. Великан широко шел на середину собора, где впереди архиерейской кафедры стоял широкий коричневый аналой с резной скамьей такого же цвета. На аналое лежала большая раскрытая книга с лентами-закладками. Великан сел перед аналоем в середине скамьи. Вскоре к нему подошли и сели рядом с ним, с правой и левой стороны, еще два рослых человека в рясах. Они были меньше великана и, видимо поэтому, мне не запомнились.

Вот все трое встали, перекрестились и запели: «Господи Сил, с нами буди...». Собор наполнился целым морем стройных басовых звуков. У меня пошел мороз по коже.

«Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утвержении силы Его», — пели они, и я тоже захотел хвалить Бога. Хотелось петь вместе с ними, но я не умел и стеснялся подать свой голос. И я хвалил Бога всем своим маленьким существом молча.

«Хвалите Его во струнах и органе».

Эти слова мне крепко запомнились, и потом, когда я взрослым услышал музыку органа, они пришли мне на память. И тут же вспомнилось: Успенский собор и пение басового трио, с которым никакой орган сравниться не может — так живо, величественно, молитвенно и призывно звучал звуковой поток человеческих голосов во главе с феноменальным басом о. Константина Розова.

Да, этот великан был он — великий архидиакон Розов!

Когда мы по возвращении домой рассказали отцу о приключении Вари в соборе и обрисовали, как могли, внешность великана и его необыкновенный голос, отец ответил:

— Да это же — архидиакон Константин Розов!

Так я впервые увидел и услышал К.В. Розова.

Когда пение кончилось, к нам подошла мама, и мы пошли ставить свечи и прикладываться к святыням собора. По пути к Владимирской иконе Божией Матери, находившейся в иконостасе слева от Царских врат, мое внимание привлекли хоругви, стоявшие плотным рядом у стены собора. Их было много. Хоругви были большие, богато украшенные, и выглядели очень тяжелыми, так как довольно толстые древки их прогнулись. Некоторые хоругви, видимо старинные, были из рытого бархата, потемневшие от времени. Во время кремлевских крестных ходов и молебствий все эти хоругви следовали с крестными ходами и, конечно, видели и година народных испытаний, и благодарственные торжества.

Мы подошли к сени над гробницей святителя Ермогена. У гробницы горело множество свечей,

куда добавилась и наша свеча. На гробнице, на круглом блюде, горела большая лампада, закрытая узорчатой решеткой в виде цилиндра с круглым верхом, увенчанным небольшим крестом. По форме эта решетка напоминала святительские куколи, изображаемые на иконах. У гробницы находился образ святителя Ермогена. Святитель в белом куколе и в мантии, с округлыми, несколько ссутуленными, кроткими плечами, с добрым, смотрящим на молящегося ликом и со сдержанно благословляющей рукой. В этой сдержанности виделось, что святитель благословляет не всех и каждого, а только достойных его благословения.

Мы приложились к гробнице святителя и, выйдя из-под сени, остановились, чтобы еще раз посмотреть на гробницу. Надгробная сень, гробница святителя, горящие перед ней свечи, лампада, образ — от всего этого веяло чем-то дорогим, родным, каким-то благодатным уютом, веяло тишиной, отрадой и миром. Я подсознательно ощутил, что эти отрада и мир передались и нам. С благодатным настроением душевного покоя мы вышли из собора и отправились домой.

* * *

С тех пор прошло много лет. Когда я сейчас вспоминаю это первое в моей жизни посещение Успенского собора, меня охватывает неизъяснимое чувство волнения.

Какое это драгоценное сокровище — наш кремлевский Успенский собор!

Это — священная часть нашей Родины. Это — памятник торжества русского духа над монголо-татарским игом. Недаром постройка собора сов-

Святители Московские.
Икона из Трапезного храма
Троице-Сергиевой Лавры

пала по времени с освобождением от этого ига.

Но это не все.

Для нас, православных русских людей, особенно знаменательно, что это *именно Успенский собор*, что Матерь Божия не оставила нас и не оставляет родную нашу Москву, нашу дорогую Родину Своим заступлением.

Для нас знаменательно, что свидетельством Ее заступления мы имели в соборе Владимирскую Ее икону, по всенародным молитвам перед которой Матерь Божия неоднократно спасала и Москву, и наше Отечество от великих бед иноземного порабощения. Наши предки это хорошо знали и помнили. Владычице, помоги нам!

Для нас знаменательно и дорого, что в соборе лежат мощи и останки наших молитвенников — святителей московских, призывавших русских людей к единению, благословлявших их на брань с врагами и смело, не щадя своей жизни, восстававших против жестокости и угнетения, незави-

симо от того, кто был угнетатель — иноземец или грозный русский царь.

Они и по преставлении своем — с нами.

Для нас знаменательно, что на другой день памяти Святителей Московских начался уход наполеоновских войск из Москвы. Для нас знаменательно, что в преддверии дня святителей совсем близко от Москвы остановилась и не вошла в Москву «коричневая чума» — гитлеровская фашистская армия. В этом мы зрим заступление Божие по молитвенному предстательству наших святителей.

Святители Московские, молите Бога о нас!

Как сейчас слышу могучий басовый поток соборного протодиаконского трио, он мне напоминает русскую широту и богатырство. Недаром москвичи так любили богатыря Розова. И мне вновь и вновь слышится молитвенный призыв:

«Господи Сил, с нами буди, иного бо разве Тебе Помощника в скорбех не имамы. Господи Сил, помилуй нас!».

Господи, буди с нами, буди с Москвой, буди с нашей Родиной!

Не по сану

Митрополит Московский Платон (Левшин),[1] приезжая в Троице-Сергиеву Лавру, любил мо-

---

[1] Митрополит Платон, великий русский архипастырь и проповедник конца XVIII — начала XIX века. На Московской кафедре с 1775 по 1821 год. Известен его ответ французскому энциклопедисту Дидро, сказавшему: «Я утверждаю, что нет Бога». «Это не новость, — ответил митрополит Платон, — пророк Давид давно сказал: "Рече безумец в сердце своем: несть Бог"». — Ред.

Митрополит Платон

литься за монастырскими службами как простой монах. При этом на нем был обычно старенький подрясник, опоясанный простым кожаным поясом.

В таком виде стоял он однажды за всенощной на левом клиросе. Кроме него здесь же был монах, недавно поступивший в Лавру.

У клироса, в северной двери алтаря, стояла зажженная свеча. Монахи на хорах пели догматик. Священнослужители уже шли из алтаря ко входу вечерни, а свеценосца почему-то не было.

Митрополит обратился к монаху:

— Брат, неси свечу!

Тот, не двигаясь с места, ответил важно:

— Мне не подобает, я ведь иеромонах.

— Прости, брат, я не знал, что ты иеромонах, — сказал митрополит и, взяв свечу, понес ее для совершения входа.

«ДОСТОЙНО ЕСТЬ...»

Насельник Черниговского скита Троице-Сергиевой Лавры старец иеромонах Алексий[1] однажды сказал:

— Великая это песнь — «Достойно есть, яко воистину блажити Тя Богородицу...». Во время пения этой песни в храме Сама Владычица ходит среди молящихся и благословляет всех, кто благоговейно внимает этой песни, а каждому, кто ее умильно поет, Она по золотому дает.

ОН БУДЕТ ПЕТЬ

Однажды старцу Алексию пожаловались на мальчика Колю, что он плохо стоит в храме и много разговаривает, и спросили: пускать ли его петь в церковном хоре? Старец ответил:

— Конечно, пускать. Он будет много петь.

Это было давно. Этот мальчик — Николай Васильевич Матвеев — вырос и стал известным церковным регентом.

ПРОВЕРЯТЬ НЕ НАДО

В одну семью, жившую рядом с Троице-Сергиевой Лаврой, как-то раз пришла знакомая. Зашел разговор о старце Алексии, о его духовной мудрости. Знакомая скептически сказала:

— Я этому не верю и сейчас сама пойду к нему и проверю его мудрость.

---

[1] Иеромонах Алексий, подвижник начала XX века. — Ред.

Она тут же пошла в Черниговский скит. Ей указали дверь кельи старца. Постучав в дверь кельи, она произнесла положенную по монастырскому уставу молитву и услышала ответ старца:

— Аминь. Но меня проверять не надо.

Смущенная, она, не зайдя в келью, вернулась к своим знакомым и рассказала им о происшедшем, каясь в своем поступке.

Михаловна (Праведники в миру)

Расскажу о Михаловне. Так у нас ее все звали. Потом мы узнали, что имя Михаловны — Мария. Но «Михаловна»[1] — это имя очень шло к ее доброму, простому, безхитростному, спокойному лицу. В последнее время подобные лица встречаются все реже и реже.

Михаловне было около семидесяти лет. Она разносила по домам деревянное[2] масло для лампад. Этим и жила. Да еще иногда ее приглашали на стирки. Я помню ее всегда доброй и, удивительно, никогда не видел усталой.

Мы, дети, очень любили, когда приходила Михаловна. Полюбуешься ее лицом, послушаешь ее разговор и получишь, выражаясь современным словом, *зарядку* для души.

Входя в квартиру, она всегда говорила:

— Мир этому дому. Бог милости прислал.

Однажды ее спросили:

— Михаловна, какие же милости прислал Бог?

---

[1] В прежние времена часто называли пожилых женщин «по отчеству», именем отца. — Ред.

[2] Оливковое. — Ред.

— А Бог всегда присылает милости. Вот сейчас Он прислал деревянное маслице: значит, будут гореть перед иконами лампадки. А это великая милость Божия, когда горят лампадки, — чаще люди о Боге вспоминают. А без Бога — ни до порога. А с Богом — жизнь ровная да добрая. А без Бога — одни ухабы да злоба. Где Бога нет, туда диавол лезет.

— Михаловна, вот ты говоришь, что сейчас Бог прислал деревянное масло, а какие же милости Он пришлет в другой раз?

— В другой раз Господь, может, пошлет неудачу или беду — это опять милость Божия. Тебе-то кажется: ох, как плохо! А ты терпи да не забывай Бога, да молись Ему, да славь Его. И увидишь, что эта неудача да беда тебе на пользу. Значит, Бог тебе милость прислал. А когда поймешь это, тебе Господь пришлет новую милость — радость да удачу, и все пойдет как по маслу. Вот так-то: милости Божии всегда идут к нам, только мы их не замечаем и, как малые дети, все капризничаем. Вот когда в жизни задумаешься: как же быть? — пойди в храм Божий, и там получишь ответ на свою думу. И пошлет тебе Господь в нужный час нужного человека, и все устроится к лучшему и даже лучше, чем было.

— От кого же в храме получишь ответ, Михаловна?

— Да от Господа. Только слушай внимательно службу и молись, и получишь ответ. Я тебе скажу хоть о себе.

Жили мы с мужем хорошо и в достатке. Муж был ямщик, скопил деньжонок. Построили домик, правда, небольшой — о трех окошках, но

хороший. Я и сейчас в нем живу. Муж помер, осталась я одна. И стала я думать: как же мне жить? Задумала открыть лавку и все смекаю: как и чем торговать, да где товары брать, да как их сбывать, чтобы лучше деньгу наживать. И так эти думы меня одолевали, что даже ночью просыпалась и все думала, думала и заснуть не могла. Стала я молиться: «Господи, вразуми, Матерь Божия, настави».

Пришла в церковь и там молюсь еще усерднее. И тут слышу ответ — диакон Евангелие читает: «Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отъимется от нея».[1]

Меня-то звать Мария. Михаловна — это по отчеству. Вот и думаю: куда же я в суету лезу, когда нужно избрать благую часть — больше слушать слово Божие. Стану торговать — некогда будет и в храм Божий сходить, все будешь стремиться на торговлю свою. Забросить надо эту свою думу о торговле, а заниматься тем, что к Богу ближе. Так и решила: о лавке больше не думать. И сразу как будто камень с меня свалился. Легко на душе стало. Значит, дошел до меня Божий голос.

Иду домой, радостно мне, и вдруг вижу: стоит баба, у ног ее мешок, а в мешке вроде как ведро какое, видно, тяжелое.

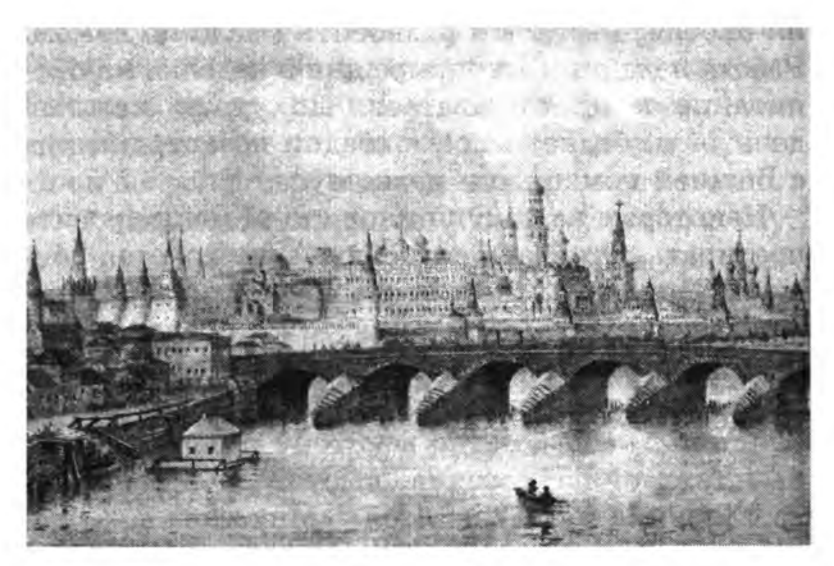
— Помоги, родимая, поднять бидон на спину, — говорит она мне.

Я ей помогла, да и спрашиваю:

— Что у тебя в бидоне-то?

---

[1] Лк. 10, 40-41.

«Плутомойня». См. стр. 26

— Да вот, в последний раз несу лампадное масло по домам. Через неделю уезжаю в деревню. Отец с матерью вызывают. Надо ехать, помогать старикам.

— Кому же ты разносишь масло-то?

— Да больше купцам — для домашних лампад. Платят хорошо, да еще к праздникам подарки дают. По моему бабьему положению достаток хороший. На меня хватало, да еще отцу с матерью немного посылала. Вот уеду — разносить некому будет. Хочешь разносить? Я тебе это передам: покажу, где масло брать, и по домам провожу, с покупщиками познакомлю.

— Хочу, — отвечаю...

— Ну, тогда время терять нечего. Идем со мной.

И повела она меня по домам. Покупщики — все люди степенные, приветливые, приняли ме-

ня охотно. И стала я разносить масло по домам. Работа недолгая, на четыре дня в неделю, на пропитание и одежу хватает. По утрам каждый день — к обедне, а после обедни позавтракаю да с Божией помощью и разношу.

Некоторые из покупщиков стали меня просить постирать. Отказать неудобно — не хочется обижать. Придешь к ним после обедни в свободный от разноски день, смотришь — гора белья. «Господи, благослови!», — и начнешь стирать, а сама все время «Богородицу» про себя повторяешь. Глядишь, — незаметно всю гору и перестирала, на плутомойню[1] свозила, высушила и выгладила. Хозяйка не нахвалится. «Михаловна, — говорит, — профессор по стирке». А я ей в ответ:

— Слава Тебе, Боже. Это ведь Господь помог да Пресвятая Владычица, а сама-то я — никудышная.

— Спасибо тебе, Михаловна.

И сунет мне трешку и с фунт сахару.

Это у купца, который сахаром да чаем торгует. А другие купчихи подарят что-нибудь другое: отрез миткаля, изюм, икру — смотря по тому, чем они торгуют.

Вот так я и получила в церкви ответ на мои думы, и послал мне Господь нужного человека. Слава Тебе, Господи! Благодарю Тебя, Господи!

И теперь я и к Богу ближе — каждый день в храме Божием бываю и суеты не вижу, и с Божией помощью кое-кому помогаю.

— Кому же ты, Михаловна, помогаешь?

---

[1] Плутомойня — народное название «плотомойни», места для полоскания белья в виде крытого домика — плота на Москве-реке.

— А кому придется, кто на глаза мне, грешной и недостойной, попадется. Кого Бог пошлет. Бывает и так: увидишь человека богатого, — он в моей помощи не нуждается — да видно, что очень болезненный или страждет, чем-то мучается. О таком помолишься: «Господи, помоги ему: укрепи его в вере и исполнении заповедей Твоих; даруй ему исцеление душевное и телесное; огради его от козней диавола, от злых человек и от обстояний недобрых; даруй ему вся полезная и благая и даруй ему еще многая лета жизни в довольствии, спокойствии и радости. Спаси его, Господи!».

Всем нам Господь помогает, и все мы должны друг другу помогать. Вот и я, грешная, самая никудышная, тоже должна помогать.

— За кого же ты молишься, если не знаешь имени?

— А так просто и молюсь. Вижу этого человека, и молюсь. А уж Господь-то все имена знает, и знает, за кого я молюсь. А если имя знаю, то подаю записку с просфорой. Когда диакон или батюшка записки читают, то в конце говорят: «И всех поминаемых нами», — вот тут-то все мои безымянники-то под помин и попадают.

Должен сказать вам о таком интересном эпизоде. Знакомый нам протоиерей однажды попросил мою мать порекомендовать ему старушку для выполнения какого-то домашнего дела. Мама порекомендовала Михаловну, которая поразила его и его домашних оригинальностью речи. Похвалив Михаловну, протоиерей сказал:

— О, да ты — настоящий Плевако![1]

— Правильно, батюшка, ты сказал. Я — старушка самая плевая, — ответила Михаловна.

Не могу умолчать и еще об одном случае, когда я вспомнил Михаловну.

Мне было лет одиннадцать. Однажды утром, это было весной, мой отец, совершенно расстроенный, сказал маме, что немедленно идет в больницу, так как всю ночь не спал из-за удушливых спазм в горле и серьезно опасается за свою жизнь.

Меня это очень встревожило и взволновало, и я пошел в церковь помолиться об отце.

В церкви я увидел покойника. Это был молодой, красивый брюнет, лет двадцати пяти. Мне бросилось в глаза, что он был коротко острижен. У гроба сиротливо стояли всего два человека: очень похожий на покойного пожилой мужчина в крылатке с застежкой в виде львиных морд, по-видимому, его отец. Видно было, что он очень расстроен, но сдерживается от слез. Позади его стояла молодая красивая женщина, которая все время плакала и не могла утешиться. Может быть, это была сестра покойного, а может быть — невеста. Мне стало жалко и ее, и пожилого мужчину. Я начал молиться о них. Подошел диакон с кадилом и возгласил прошение о упокоении души новопреставленного Николая.

Я вспомнил Михаловну: почему я молюсь только о них и не молюсь за новопреставленно-

---

[1] Плевако Федор Никифорович — знаменитый русский адвокат (1842-1908 гг.).

го? И стал молиться за новопреставленного Николая, а по истечении сорока дней — просто за усопшего Николая, и молюсь о его душе до сих пор.

Когда я возвратился домой, я увидел отца, с аппетитом обедающего, как ни в чем не бывало. Врач так и не мог понять, что с ним произошло.

С тех пор у меня появился обычай: если в храме есть покойник, или встретится покойник на улице, или умрет кто-то по соседству — поминать их имена и молиться о новопреставленных сорок дней, а потом продолжать молиться за них, если их имена остаются в памяти.

Правильная дорога

Однажды, будучи трехлетним мальчиком, я чрезмерно разбаловался. Няня (Пелагея) пыталась меня как-то унять, но безрезультатно. Я продолжал озорничать. Тогда она сказала:

— Смотри, попадешь ты в ад!

Это заставило меня насторожиться: слово «ад» для меня было ново, я соединил его по созвучию со знакомым словом и, прекратив баловство, спросил няню:

— А в вате разве плохо?

— Не в вате, а в аду. Там мучаются в огне грешники.

— А кто это — грешники?

— Это те, которые не слушаются старших, которые делают плохое другим.

— А когда они попадут в ад?

— Когда будет Страшный Суд. Бог будет тогда судить всех людей. Кто делал хорошие дела —

пойдет в рай. Там будет всегда светло, как днем, и люди там будут постоянно радоваться. А вот кто обижал других людей — те все пойдут в ад, в вечный огонь.

— Няня, я хочу попасть в рай.

— Попадешь, если пойдешь по правильной дороге.

— А где эта дорога?

— Перед тобой будут две дороги. Одна дорога — красивый мягкий ковер, на ковре много цветочков и конфет. Другая дорога вся утыкана остриями ржавых гвоздей. Тебя подведут к красивой дороге и скажут: «Иди. Эта дорога хорошая. Собирай и нюхай цветочки, ешь конфеты». Ты их не слушай. Иди по гвоздяной дороге. Будет страшно — не бойся, молись Богу. Эта дорога ведет в рай. А мягкая, конфетная дорога идет прямо в ад.

* * *

Прошли десятки лет, но яркий, имеющий глубокий смысл рассказ няни не изгладился из памяти. Он вспоминается каждый раз, когда читают в Евангелии слова Господа:

«Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Входите тесными вратами, потому что широки́ врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны́ врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».[1]

[1] Мф. 7, 12-14 .

Как же я далек от правильной дороги! Все хочется «ковриков» и «конфеток» да «цветочков» *для себя.*

Господи, спаси меня!

В Святую ночь

Кажется, это было в 1911 году, стало быть, подходил к концу пятый год моей жизни. Помню, что Пасха была очень поздняя. Это была первая в моей жизни Святая ночь, запомнившаяся мне навсегда.

Мне хотелось пойти к Светлой заутрене, но уже с вечера, когда я ложился спать, мне сказали, что такому маленькому в храме будет невозможно стоять — так много будет народу. «И, конечно, — думал я, раздеваясь, — меня никто не разбудит, раз так говорят, и уйдут без меня».

Я не ошибся. Действительно, меня не разбудили и ушли без меня.

Но я внезапно проснулся. Я увидел, что в соседней комнате, столовой, горит свет, и услышал шаги мамы и ее хлопоты у стола. В ночной рубашечке я вышел в столовую. Оказалось, что дома осталась только одна мама, все уже ушли. Я хотел было заплакать, но мама стала меня утешать. Ее ласки, сияние лампады у икон в углу, вид белоснежной скатерти на столе, на котором уже стояли ароматный кулич и пасха, меня немного успокоили.

— Давай скорее одеваться, садись к окну, смотри и слушай, — сказала мама, и это меня очень заинтересовало и совсем успокоило.

Мама мне помогла поскорее одеться и сказала:

— Садись здесь, к окну, скоро ударят в большой колокол в Кремле, Кремль как раз с этой стороны (мы жили недалеко от Серпуховки).

Мама открыла окно. Из окна на меня глядела многозвездная, теплая, темная ночь. На дворе была полная тишина, нарушаемая лишь на мгновенье чьими-то торопливыми шагами и возгласами: «Идем скорее, опаздываем!».

В окно был еле-еле виден двор, за ним сад нашего дома, дальше уже ничего не было видно, но я знал, что там, за забором, — сад завода Гоппера (ныне завод Владимира Ильича), а за ним трехэтажный заводской корпус.

Всматриваясь в темноту сада, я вспомнил рассказ мамы о том, что ночь Воскресения Христова была темная, что гроб Господень находился в саду, и что Мария Магдалина приняла за садовника явившегося ей воскресшего Господа. «В такой темноте, — подумал я, — действительно можно ошибиться».

Я снова всматривался в темноту, снова вслушивался в торжественную тишину и чувствовал приближение большой, необъяснимой радости.

Вдруг в этой тишине поплыл, расширяясь и заполняя ее всю, густой, бархатный, неотразимый по своей красоте звук. Казалось, что от этого звука ночь проснулась и посветлела. Это был первый удар кремлевского колокола (этот колокол, весом в 4000 пудов, и сейчас висит на Филаретовской пристройке колокольни Ивана Великого). По принятому в то время обычаю благовест в Святую ночь мог начинаться в Москве только после «Ивана-звонаря», так называли москвичи Ивановскую колокольню в Кремле.

Звук затих и повторился... Опять затих, и когда повторился в третий раз, все наполнилось неизъяснимым ликованием — звонила вся Москва. Звон шел отовсюду: звонило небо, звонила земля. Это был океан звона. Он пронизывал все. Я чувствовал, как колеблется подо мною пол, казалось, я сам был весь наполнен этим ликующим, могучим звоном.

Прошло несколько минут в этом ликовании и радости всего моего маленького существа, и вдруг еще большая волна ликования — Москва затрезвонила...

— Пошли крестные ходы, — сказала мама, перекрестившись, и тихо запела:

«Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити», — голос ее дрогнул.

Я посмотрел на маму: в ее глазах стояли слезы. Мама опять перекрестилась, пошла в спальню, отворила дверцу киота с иконами и зажгла перед киотом свечу, радостно осветившую святые лики.

Мне запомнилось, что из океана мощного звона Москвы ясно выделялся звон небольших колоколов ближних к нам домовых храмов Ляпинской, Прикащицкой, Третьяковской, Солодовниковской и Гурьевской богаделен.[1]

Но вот звон прекратился. Опять торжественная тишина и, казалось, еще большая темнота. Так продолжалось несколько минут.

---

[1] Эти богадельни, т.е. дома для бедных больных и престарелых, названы в честь основавших их известных московских купцов. — Ред.

Внезапно я вздрогнул: вспыхнули молнии и прогремели громы салюта. В разных частях горизонта заискрились красивые фейерверки. Мама мне объяснила, что эти фейерверки зажигают у каждой церкви, когда крестный ход входит в храм после возгласа священника: «Христос воскресе!» и ответа молящихся: «Воистину воскресе!».

Мама подошла ко мне, поцеловала меня, сказала: «Христос воскресе!», — и подарила мне красивое яичко-писанку.

— А теперь помогай мне собирать на стол, придут наши — будем разговляться.

Полный радости, я стал помогать маме. Небесная радость Воскресения Христова дополнилась радостью предвкушения разговения.

Со страхом и трепетом

Епископ Таллинский Исидор говаривал:

«Самое страшное для священнослужителя — это привыкнуть к алтарю. Никогда не привыкайте к алтарю, всегда входите в него со страхом и трепетом».

Земное небо

Митрополит Трифон (Туркестанов) в одной из своих проповедей сказал:

«Дорогие, любите храм Божий, ходите в него, берегите его. Храм Божий — это земное небо».

Часть вторая

НАСТОЯЩАЯ ШКОЛА

Москва златоглавая

Не знаю, как это случилось, что мама зашла в церковно-приходскую школу Данилова монастыря. Данилов монастырь был от нас не так уж близко, но зато путь туда лежал по спокойным улицам, на которых не было трамвайного движения.

Учитель школы, Леонид Алексеевич, сказал маме, что у них есть одно место, но что для приема на это место ученика требуется благословение отца казначея.

Казначей монастыря о. Кассиан, выслушав просьбу мамы, сказал:

— Благословляю перевод в нашу школу вашего сына. Приводите его завтра в половине десятого утра. Как раз завтра Сергиев день. Да поможет ему Преподобный в ученьи.

Я был несказанно рад, когда по возвращении из училища услышал от мамы эту новость. Мне было отрадно, что буду учиться при монастыре, о котором у меня было очень приятное воспоминание.

Однажды летом, когда мне было примерно пять лет, мы пошли гулять к огородам у Павелецкой железной дороги. Погода была хорошая, и мы незаметно дошли до ворот Данилова монастыря. Не знаю, почему мы не вошли в обитель, но через отворенные ворота я увидел в монастыре прямую чистую дорожку, вымощенную мелкими плитками. Дорожка вела к белоснежному двухэтажному красивому дому в глубине монастырского двора. Справа и слева от дорожки росло много кра-

сивых цветов. Этот вид был по-райски светел и спокоен и глубоко врезался мне в память.

И вот теперь, когда мама сказала, что я буду учиться в монастырской школе, мне ярко вспомнился этот лучезарный вид, и на душе стало светло и радостно. Радостно было и от того, что первый день моего ученья в монастырской школе совпал с днем преподобного Сергия — покровителя начинающих учиться детей, одного из самых любимых мною святых.

Сергиев день

И вот мы идем мимо Павловской больницы в новую для меня школу. Утро ясное, с заморозком, со свежим бодрящим воздухом. У тротуара через решетки водостоков идет пар. Из носа, когда дышишь, тоже идет пар.

Монастырская школа находилась как раз напротив монастырских ворот. Это было добротно построенное, красивое двухэтажное каменное здание. Однако в то время в этом здании был размещен военный госпиталь,[1] а для значительно свернутой в связи с этим школы был отведен очень скромный одноэтажный флигель во дворе того же дома. Своей торцовой стороной он выходил в переулок. Здесь был «парадный» вход в школу, у которого мы ждали по утрам открытия школы или выхода нашего учителя для следования к обедне либо ко всенощной. (После закрытия школы этот флигель был заселен жильцами, а в 1979 году снесен.) Во двор был «черный» ход.

[1] Это было время начала Первой Мировой войны. — Ред.

Через этот ход мы расходились по домам из школы.

Мама подвела меня к «парадному» входу. Тут толпились ученики, которые начали меня с любопытством рассматривать (всего в школе было 30-35 учеников).

На монастырской колокольне начался благовест к обедне. Школьная дверь отворилась, и из нее вышел учитель — Леонид Алексеевич. Это был очень простой и добрый человек лет сорока. Он поздоровался с мамой и бегло взглянул на меня. Я поклонился ему. Он ласково улыбнулся, спросил, как меня звать, нежно положил руку на мое плечо и сказал маме:

— Оставляйте его нам. Мы сейчас идем к обедне.

— Найдешь дорогу домой? — спросил он меня.

Я ответил утвердительно.

— Это наш новенький, — сказал он ребятам, — помогайте ему. Максимов, становись с ним рядом, вот сюда, — и он поставил меня с Максимовым во второй паре.

— Разобрались? Пошли!

Мы чинно пошли в монастырь. Благовест продолжался.

Монастырские ворота состояли из трех частей. Их центральная часть — самые большие ворота — были закрыты. Открывались они только в большие монастырские праздники и для крестных ходов. Стены в этих больших воротах были расписаны картинами из жития святого князя Даниила. В моей памяти остались две картины: «Исцеление юноши на могиле князя Даниила» и «Явление князя Даниила на его могиле боярину

Иоанна III». Эти картины были выполнены очень хорошо, в искусной реалистической манере.

Справа и слева от центральных ворот имелись ворота поменьше. Ворота справа были заделаны, и в них была устроена монастырская лавка по продаже книг и репродукций духовного содержания.

Для повседневного прохода в монастырь служили ворота слева. Внутренние стены и своды этих ворот были расписаны библейскими сюжетами. Запомнилась роспись правой стены: «Архистратиг Михаил охраняет могилу пророка Моисея». Святой Архистратиг огненным мечом ниспроверг диавола, который в ужасе летит в бездну. Во всей фигуре диавола огромное напряжение. Глаза его горят страхом и злобой. Архистратиг в опаловой дымке. Вид его торжествен, жест мечом легок, но мощен. Мне по-детски представлялось, что диавол получил хорошую затрещину от Архистратига. Впечатление усиливалось гулко раздававшимися под сводами ворот нашими шагами. Получалось как бы эхо этой затрещины. Мне всегда было весело и радостно проходить мимо этой картины, может быть потому, что Архистратиг Михаил — мой Ангел.[1] В проходе ворот у стен лежали старинные пушки. Удивительно: эти пушки сразу, «с порога», делали монастырь родным.

Пройдя ворота, мы пошли по выложенной плиткой дорожке, ведущей влево, наискосок от ворот. В конце ее виднелось крыльцо храма Вселенских соборов.

---

[1] Т.е. мальчик назван в его честь. — Ред.

Прямо в глубине крыльца были двери в Покровский храм, построенный Иваном Грозным. Справа и слева от этих дверей две широкие лестницы, облицованные чугунными плитами, вели в храм Вселенских соборов; справа — придел Бориса и Глеба, слева — придел Кассиана Римлянина. Приделы отделялись от главной части храма стенами с арками для прохода. У самого иконостаса главного алтаря, справа и слева от него, имелись еще две малые арки. Через правую арку можно было пройти из Борисоглебской части храма на правый клирос. На стене этой арки находилась богато украшенная, чтимая икона Божией Матери «Троеручица».[1] Почти напротив этой иконы, у самого амвона Борисоглебского придела, стояли за службами ученики нашей школы. В левой арке, между иконостасом главного алтаря и Касьяновским приделом, находилась серебряная рака с мощами святого князя Даниила Московского, основателя монастыря. Рака занимала всю арку, и поэтому в задней стене арки была небольшая ниша, в которой становился дежурный иеромонах у мощей.

Часть крышки раки, у головы святого, откидывалась вперед. На этой части крышки с внутренней стороны был вделан довольно большой крест, в основании которого под круглым стеклом находилась частица мощей (зуб) святого

[1] С этой иконой ежегодно совершались многолюдные крестные ходы накануне праздников в честь иконы Божией Матери «Троеручицы», в часовне монастыря на Большой Тульской улице, где перед иконой, при большом стечении молящихся и всенародном пении, служились в эти дни всенощные прямо на улице.

Святой благоверный князь Даниил Московский

Александра Невского, — отца святого благоверного князя Даниила.

В ногах мощей на крышке раки лежало серебряное круглое блюдо, на котором горела большая неугасимая лампада, закрытая металлическим позолоченным колпаком со сквозным прорезным узором.

Мы всегда прикладывались к мощам, когда бывали в этом храме. Бывало, поднимешься к раке, приложишься к мощам св. князя Даниила, потом к частице мощей св. Александра Невского, получишь благословение иеромонаха, затем приложишься к образу св. Кассиана Римлянина — и почувствуешь благодатную близость св. князя Даниила, радость и легкость на душе.

В этот раз, когда мы пришли в храм, Леонид Алексеевич поставил нас не на нашем обычном месте, а перед правым клиросом главной части храма. Видимо, он это сделал потому, что молящихся в храме было не так уж много, а с этого места нам лучше виден был главный алтарь, где совершалась служба.

За монастырской службой я был впервые. Все для меня здесь было ново, особенно певчие, — монахи со спокойными, сосредоточенными лицами. Потом, когда я ближе узнал монастырь, у меня сложилось твердое убеждение, что монах действительно всегда спокоен, самоотвержен, строг к себе и очень снисходителен и добр к другим людям. Такими были монахи Данилова монастыря. Позже они доказали незыблемость этого высокого, равноангельского устроения всей своей жизнью и часто мученической смертью. Правда, были единичные исключения, но они не характерны.

У некоторых монахов, например у о. Арсения, несшего послушание за свечным ящиком, у иеродиакона о. Серафима, были поистине святые лица.

Монахи пели очень стройно и умилительно, и это настроение умиленности скоро овладело мною. Я не благодарил и не просил, но находился в блаженном созерцании, незаметно для меня вместившем и благодарение, и прошение. Это в какой-то, конечно очень отдаленной степени, было похоже на то состояние, о котором апостол Петр на Фаворе воскликнул: «Хорошо нам здесь быть!». Это было сходно и с тем состоянием, в котором находились во время церковной службы в Царьграде послы равноапостольного князя Владимира: «Мы не знали, где были: на небе или на земле».

Я не знаю, что чувствовали мои товарищи, но по их благоговейному виду угадывалось высокое настроение. В продолжение всей службы никто

не проронил ни одного слова, никто не сделал праздного движения.

С первого моего посещения храма Вселенских соборов мне запомнился написанный на левой стене средней части собора образ святителя Спиридона Тримифунтского. Особенно запомнилось, — тогда для меня непонятное, — что святитель держит в левой руке камень, из которого вниз течет вода, а вверх вырывается пламя.

Но вот обедня окончилась. Служивший ее иеромонах стал давать молящимся крест для целования. Леонид Алексеевич по очереди пропускал нас ко кресту.

— А это у вас новенький? — спросил иеромонах Леонида Алексеевича, давая мне крест.

Леонид Алексеевич ответил утвердительно.

Иеромонах задержал меня, широко благословил и положил свою руку мне на голову. Я почувствовал ласковую, добрую теплоту.

Потом мы приложились к мощам св. князя Даниила и вышли из храма. Солнце светило вовсю. От утреннего заморозка не осталось и следа, было тепло, как летом. Леонид Алексеевич объявил нам, что сегодня мы заниматься не будем и можем расходиться по домам.

В воротах монастыря нас ждал монах Лукиан, несший послушание по обслуживанию нашей школы. В левой руке он держал белоснежную корзину, полную ароматного монастырского ржаного сеяного хлеба. Каждый из нас услышал от Лукиана доброе слово и получил по полуфунтовому куску хлеба.

Я возвращался домой полный новых впечатлений. Главные впечатления: умилительная мона-

стырская служба и доброта, которой мы были окружены. Мне хотелось скорее опять в школу.

Учебные занятия

Мы приходили к школе несколько ранее начала занятий. Собирались в переулочке у «парадного входа». Дверь в школу еще закрыта. Самопроизвольно возникали всякие развлечения: бегали наперегонки вокруг соседнего дома, состязались, «кто кого перетянет» и т.д. Но вот дверь в школу открывалась. Все гурьбой устремлялись ко входу, где стоял Лукиан и следил за порядком. Я никогда не слышал, чтобы он кого-либо грубо одернул. Только в том случае, если кто-то впопыхах причинял боль другому. Лукиан отзовет виноватого в сторону, спокойно объяснит ему неправильность его поступка и обязательно заставит помириться с обиженным. Но такие случаи были как исключение. Обычно же ребята прямо-таки бережно относились друг к другу. Это был результат здешнего школьно-монастырского воспитания...

Начало урока Лукиан возвещал колокольчиком. Все входили в класс, и водворялась полная тишина. И это было независимо от того, находился ли Леонид Алексеевич в классе или был в своей комнате, в которой он жил рядом с классным помещением.

Занятия начались чтением молитвы перед учением. Ее читал дежурный ученик. Леонид Алексеевич стоял впереди, у своего стола. Его взор был устремлен к образу Спасителя. Думаю, что он молился за нас.

В школе были первый, второй и третий классы. Все три класса занимались вместе, в одном общем помещении. Когда один класс занимался устно, два других выполняли письменные работы. На следующем уроке устно занимался другой класс и т.д. Для первого и второго классов это было очень полезно. Бывало, выполняешь письменную работу, а сам краем уха, а то и целым ухом, слушаешь, как занимается Леонид Алексеевич с другим классом устно. И много-много узнаешь интересного.

Леонид Алексеевич никогда не раздражался. Если ученик ошибался, Леонид Алексеевич добродушно объяснял ему в чем ошибка, как будет правильно, и все это делал как равный нам «раб Божий». Нам это равенство было очень дорого, мы понимали и ценили его, понимали, что Леонид Алексеевич, хоть и равный нам, но он наш учитель, и относились к нему не с уважением — нет, а с большой любовью. Поэтому во время урока никто никогда не баловался.

В перемены Леонид Алексеевич разрешал нам любую, но не во вред друг другу, сумятицу. Мы «давили масло», устраивали «кучу малу», бегали, прыгали, играли в прятки и т.д., — кто был во что горазд.

Однажды какой-то посетитель обратил внимание Леонида Алексеевича на шум и эту сумятицу.

Леонид Алексеевич ему ответил:

— Это перемена, а они — дети. Пусть поразомнутся после часового сидения в классе. Поразмяться необходимо.

Но вся эта сумятица моментально прекращалась, как только появлялся Лукиан со своим колокольчиком.

Лукиана мы тоже все любили. Любили смотреть, как он колет дрова, носит воду, топит печи. Но больше всего мне нравилось, когда в конце последнего урока в прихожей раздавались шаги Лукиана и аппетитный скрип корзины с хлебом, который он приносил для нас из монастырской пекарни. Отправляясь домой после занятий, мы проходили мимо Лукиана, прощались с ним и неизменно получали от него по куску хлеба. Этот монастырский хлеб обладал замечательным свойством: он был необычайно вкусен и, если я съедал его по дороге, то дома мне есть уже не хотелось, и я отказывался от обеда. Заметив это, мама обезпокоилась и запретила мне есть хлеб по дороге домой:

— Кушай его за обедом или в любое другое время, но не по дороге домой, — сказала она.

Но странное дело: к обеду этот хлеб как-то не шел. Он имел какой-то самостоятельный вкус. Я его не мог есть за обедом и оставлял «на потом». И когда ел его в промежутке между обедом и вечерним чаем или ужином, то каждый раз после него есть совершенно не хотелось.

Не помню, было ли у нас по три или по четыре урока в день. Может быть, бывало и то, и другое, но совершенно ясно помню, что Леонид Алексеевич никогда никого не оставлял после уроков и никогда никого вообще не наказывал. Видимо, нужды в этом не было.

Леонид Алексеевич почти не задавал уроков на дом. Как-то получалось так, что основная часть того, что следовало делать дома, выполнялась в классе. В результате у нас оставалось много времени для гуляния и чтения дома.

В школе у нас была довольно большая библиотека. Она находилась в отдельной комнате. К книгам был свободный доступ каждого ученика, который хотел ими пользоваться. На столе в библиотеке лежала толстая общая тетрадь. В этой тетради для каждого из нас был отведен отдельный лист. Выбрав книгу, ученик записывал в свой лист номер книги, которую он взял. По прочтении книга ставилась под свой номер в шкаф, а ученик вычеркивал ее номер из тетради. Такой порядок способствовал тому, что мы быстро освоили чтение и запись трехзначных чисел (книг в библиотеке было несколько сотен).

Я начал чтение со сказок, былин, житий святых и летописных отрывков, которые очень полюбил. За короткий срок и с большим удовольствием прочел также «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» Гоголя. Я часто заходил в монастыре на могилу Гоголя, смотрел на неугасимую лампаду на его могиле, на намогильную надпись: «Горьким словом моим посмеюся». Может быть, все это было причиной, что Гоголь стал для меня самым любимым русским писателем.

Незадолго до двунадесятых или больших монастырских праздников Леонид Алексеевич приносил в класс хорошо литографированную картину праздника. По этой картине рассказывал нам о празднике. Мы шли на праздник хорошо к нему подготовленными, вплоть до знания тропаря праздника.

Накануне праздников, а также по субботам нас отпускали домой ранее обычного. При этом Леонид Алексеевич весело говорил:

— Быстро марш по домам. Вечером полшестого быть у школы. Идем ко всенощной.

Ходить ко всенощной всегда было радостно.

Бывало, идешь в сумерках или уже в темноте. На душе легко: уроки выучены или их не задано. Впереди сладость: полная поэзии и отрады монастырская служба. Завтра утром тоже служба, а там — целый свободный день: можешь гулять или читать, сколько тебе хочется.

Вот я у школы. Уже почти все собрались. Делимся впечатлениями, проверяем наши знания, а то и просто «жмем масло». Для нас это была одна из любимых игр, особенно удобная при ожидании: ее можно было кончить моментально.

Раздается первый удар большого монастырского колокола. Пауза. Мы сразу затихаем, снимаем шапки, крестимся. Второй удар. Опять пауза. С третьим ударом начинается непрерывный благовест большого колокола. Мы сами становимся в пары. Дверь школы отворяется, выходит Ле-

онид Алексеевич, говорим ему «добрый вечер», и начинается наш поход в монастырь.

Мы должны быть у всенощной там, где служит или молится настоятель монастыря, архимандрит Иоаким — попечитель нашей школы. Таков установленный им порядок.

Если служба в Троицком соборе — становимся впереди настоятельского места, между главным алтарем и правым приделом. Когда о. Архимандрит молится за службой на своем настоятельском месте (а оно на возвышении), — мы все видны ему как на ладони.

Великую ектенью произносит иеродиакон Иона — человек богатырских размеров, с богатырским красивым басом, с золотисто-рыжеватыми волосами почти до пояса и с простодушно-детской душой. Ектенья льется у него, как большая река, свободно, без какого-либо нажима.

Я любил службу о. Ионы, особенно чтение Евангелия, пение величаний и его «многолетия». Безупречная дикция — каждое слово отчетливо. Он не позволит вам задуматься о чем-либо постороннем. Он ведет вашу мысль за словами, которые он произносит. Однако слово «произносит» сюда не подходит — он не произносит, а просто *говорит*. Но как говорит! Не оторвешься и слушаешь-слушаешь... что говорит.

Отец Иона в свободное от службы и монастырских послушаний время выходил за монастырские ворота отдохнуть. Сядет, бывало, на каменный выступ фундамента ворот, достанет из кармана семечки или крошки и начинает кормить птичек. Лицо его при этом выражает безхитростно-детскую радость...

К правому хору подходит монах с большой книгой в руках. Это канонарх. Он возглашает глас, на который будет петься стихира. Начинается пение стихир с канонархом. При этом пении до нас доходила каждая фраза стихиры: фразу сначала отчетливо возглашает канонарх, а потом она повторяется хором. При пении последней фразы стихиры, особо выделяемой канонархом, он переходит к левому клиросу и там начинает петь новую стихиру.

Для пения догматика (песнопения перед входом вечерни) и «Свете тихий» монахи спускались с обоих клиросов и сходились внизу, перед амвоном.

Все это вместе с кадильным дымом, восходившим кверху, было торжественно и настраивало на молитву.

Шестопсалмие. Читает его не спеша и *выразительно* иеромонах о. Иасон. В его чтении — это целая поэма о душевных страданиях человека и покаянии, о его надежде на Бога, о его мольбе к Богу, о благодарении и восхвалении Бога за Его великие благодеяния и помощь. Такое чтение волнует, вызывает духовные переживания и добрые мысли, возвышает душу.

Очень захватывал выход на «Хвалите имя Господне...». Свечи в паникадилах были большие, восковые. Фитили этих свечей соединялись белым, пропитанным чем-то воспламеняющимся шнурком, который был протянут от одной свечи к другой, от другой — к третьей и т.д. Свободный конец шнурка спускался к самой нижней части паникадила.

Незадолго до пения «Хвалите...» из отверстых Царских врат с посохом в руке, в блестящем облачении выходит архимандрит. За ним шествуют иеромонахи, позади которых о. Иона несет целый сноп горящих свечей. Отсвет от этих свечей скользит по стенам, боязливо отражаясь в вышине. И вдруг к этому свету внезапно врывается целое море света сверху. Заблаговременно подошедшие к паникадилам монахи зажгли концы паникадильных шнурков. Огонь заполыхал по шнуркам, зажигая по пути каждую свечу в паникадилах. Храм переполнен светом и ликующим пением «Величания» празднику. Душа празднует.

После чтения Евангелия первыми после священнослужителей идем вереницей прикладываться к иконе праздника и помазываться освященным елеем; и тут же направляемся к выходу. Так благословил о. Архимандрит: ученикам школы уходить домой при начале канона, чтобы не уставали.

Когда мама узнала, что я буду ходить ко всенощной в монастырь, она выразила безпокойство: как же я буду возвращаться от всенощной один. Я сказал об этом Леониду Алексеевичу.

— Передай маме, чтобы она не безпокоилась. Ты будешь ходить от всенощной с Глебовым, он живет недалеко от вас, — ответил Леонид Алексеевич.

Глебов учился в третьем классе, был рослым, сильным мальчиком. Когда мама увидела его, проводившего меня до нашей квартиры, она перестала безпокоиться. Потом Глебов стал заходить за мной и по пути в школу.

Скверный поступок

Однажды по пути от всенощной со мной случилось весьма неприятное приключение. Я шел с Глебовым по тротуару у Павловской больницы. Впереди нас шли две девочки с бантами на косичках. Девочки были взрослее нас.

Глебов обратил мое внимание на банты и сказал:

— Если потянуть ленту за свободный конец, бант развяжется.

Меня это раззадорило, захотелось проверить, что же получится, если бант развяжется. Не говоря ни слова Глебову, я ускорил шаги, подошел к одной девочке, дернул грубо за конец ленты, и бант развязался. Девочки испугались и побежали.

Мне стало жалко девочек, и я долго раскаивался в своем глупом и нехорошем поступке. Он навсегда врезался в мою память.

На ломовике

Глебову были знакомы многие ломовые извозчики. Когда нас обгонял такой извозчик порожняком, Глебов окликал его по имени:

— Дядя ..., подвези!

— Подсаживайтесь, — отвечал извозчик и замедлял езду.

Мы «подсаживались». Извозчик взмахивал кнутовидными концами вожжей и подбадривал лошадь восклицанием, вроде такого:

— Но! Ты, иноходец! Держись!

И «иноходец» — битюг-тяжеловоз, с густыми пучками волос на лодыжках, пускался вскачь. Сани быстро мчались по ухабам, как по волнам, до места, указанного Глебовым. Такая разухабистая удалая езда мне очень нравилась. До этого мне приходилось ездить с мамой на легковых извозчиках. Езда на ломовиках была совсем другого рода и куда интереснее!

Позже, когда я читал или слышал о русских тройках, я всегда вспоминал мою школьную езду на ломовиках.

Новый учитель

Незаметно подошли Рождественские каникулы. Леонид Алексеевич уехал на каникулы к себе на родину, и поэтому во время каникул школа к монастырским службам не ходила.

Когда мы пришли в школу после каникул, нас ждала неприятная новость: Леонида Алексееви-

Вид на Кремль со стороны Воспитательного дома и устья Яузы

ча взяли на войну, и вместо него у нас был новый учитель — Сергей Александрович Скворцов. Нам он показался хуже Леонида Алексеевича, потому что был вспыльчив. Однако общий распорядок в школе и все школьные обычаи оставались прежними, и мы скоро привыкли к Сергею Александровичу.

Говение[1]

Первая неделя Великого поста — трезвенное, чистое, спасительное для православных христиан время.

«Ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом. Нощь (убо) прейде, а день приближися: отложим убо дела темная и облечемся во оружие света...» (Рим. 13, 11-12).[2]

Какие замечательные слова!

Старой Москве в эту неделю был присущ особенный колорит.

Москва говела.

Вместо шума и разгула масленичных гуляний на тройках с бубенцами и колокольчиками всюду господствовали тишина и покой. Встречались лишь редкие скромные повозки, направлявшиеся либо на грибной рынок, либо в какой-нибудь дальний храм.

В эту тишину благозвучно «вписывался» протяжный великопостный благовест, перекликавшийся со звуком весенних капелей. Вереницы москвичей направлялись в храмы к часам или ме-

---

[1] Говеть — в переводе на современный язык значит быть преданным. Отсюда говение — значит *преданность*.

[2] Из апостольского чтения за Литургией Прощеного воскресенья. Послание к Римлянам апостола Павла, зачало 112.

фимонам. У всех добродушно-сосредоточенные, спокойные милые лица. Таяла черствость человеческих сердец.

Взаимное прощение в Прощеное воскресенье и наступивший пост вовлекли теперь москвичей к совершению самого трудного и самого необходимого в христианской жизни дела — исповеди своих грехов, и к совершению другого, самого страшного и самого радостного — причащению Святых Христовых Таин.

Хорошее, доброе в жизни православной Москвы время!

На первой неделе Великого поста мы с Сергеем Александровичем ходили в уединенный монастырский храм во имя Симеона Столпника. Храм этот находился над главными воротами монастыря, под колокольней. Со стороны монастырского двора, над воротами, на стене была написана большая картина: преп. Симеон Столпник, стоящий на столпе, и толпящийся у столпа народ, пришедший к преподобному. Выходящие из монастыря богомольцы, приближаясь к воротам, видели эту картину и вспоминали о великом угоднике Божием. Слева от картины, внизу, в левой части ворот был вход на лестницу, приводившую в храм.

В отличие от Троицкого собора и храма Вселенских соборов, в этом храме было очень мало молящихся. На первой неделе Великого поста в этот храм, кроме учеников нашей школы, приходили еще пожилые люди — беженцы из наших западных губерний, жившие в трехэтажном монастырском флигеле, примыкавшем к храму и соединенном с ним ходом. Для пожилых людей это

было удобно: они могли прийти в храм, не выходя на улицу.

Храм был высоко над землей, ничто не загораживало его окон с большими белыми откосами. Поэтому днем здесь было очень светло.

В храме высился белый иконостас, украшенный снизу до самого верха золочеными резными виноградными лозами. Такой же сплошной золоченой резьбой были богато украшены Царские врата. Гармоничное сочетание обильного света с белым и золотым радовало душу. В иконостасе мне запомнился своей необычностью образ Божией Матери в восьмиконечной звезде, с предстоящими Ангелами, — «Неопалимую Купину» я увидел впервые в жизни.

По особенному слышался в этом храме звон на колокольне. Казалось, кто-то отрывисто ударяет чем-то звонким по потолку, но тягучести колокольного звона слышно не было.

Вечер исповеди. В храме полумрак: горели только одинокие свечи перед иконами да лампады. Этот полумрак, тишина, чтение вполголоса, редкие фигуры коленопреклоненных молящихся — все звало к уединению, размышлению и молитве.

Из северной двери алтаря вышел на левый клирос седой иеромонах в мантии и епитрахили, с Крестом и Евангелием в руках. Сергей Александрович подвел нас к левому клиросу; иеромонах положил Крест и Евангелие на аналой и стал читать молитвы перед исповедью. Мне стало жутко, как, видимо, бывает жутко человеку перед судом. Я не знал, что мне говорить иеромонаху, в чем каяться. Это чувство все более усиливалось

по мере того, как приближалась моя очередь подойти к духовнику. Наконец, я, совершенно растерянный, поднялся на клирос и подошел к старцу. Он наклонился ко мне и по-отечески обнял меня за плечи.

— Как тебя звать? — спросил он меня ласково.

Я ответил.

— А кто твой Ангел?

Я тоже ответил.

— Молись ему каждый день утром и вечером, чтобы он ограждал тебя от плохих дел. А теперь расскажи мне, какие у тебя есть грехи.

— Я не знаю, — ответил я очень смущенно и совсем тихо.

— Забыл, значит, или стыдишься? — спросил он меня очень тепло и продолжал: — Ты всегда стыдись их делать, но никогда не бойся говорить о них на исповеди. Если что скроешь на исповеди, добавится новый грех: скрытия греха; а тот грех, который скрыл, Господь тоже не простит. Давай вместе вспоминать твои грехи.

И он стал перечислять грехи, которые действительно у меня были. Я подтвердил их, сокрушенно думая: «Какой же я большой грешник — грешнее всех. И почему я их не мог сказать сам?».

— А еще у тебя есть грехи? — спросил он.

Я вспомнил, как напугал девочек, когда шел с Глебовым от всенощной, и рассказал об этом.

— Пообещай больше этих грехов не делать. А если когда случатся какие грехи, запоминай их и говори: «Господи, прости мне», — и больше их не делай. А когда придешь исповедоваться, обязательно скажи о них на исповеди.

Он накрыл меня епитрахилью, от которой немного пахло ладаном, сказал разрешительную молитву, дал мне поцеловать Евангелие и Крест, и я с облегченным сердцем сошел с клироса. С этой же легкостью на душе я пошел домой после исповеди.

На другой день, в субботу, я радостно стоял обедню и с отрадой ожидал причащения. Вот читаются молитвы перед причащением. Я вслушиваюсь в них и вдруг слышу: «Пред дверьми храма Твоего предстою и лютых помышлений не отступаю». Мне стало страшно: это говорится обо мне. Ведь сегодня, по пути к обедне, я вспомнил, как мне попало от моего соседа по дому, Витьки Блинкова, когда мы с ним как-то подрались. И, вспомнив об этом, я подумал: «Хорошо бы с ним опять подраться и побить его». Правда, я тут же отогнал от себя эту мысль: «Иду причащаться, а сам...». Теперь слова молитвы вновь напомнили мне о лютом помышлении, которое посетило меня почти «пред дверьми храма», я опять почувствовал себя очень грешным и с большим сокрушением повторил про себя слова молитвы, которую прочел перед чашей иеромонах, служивший обедню: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз...».

С этим сокрушением и страхом я подошел к Чаше, и когда причастился — вместо сокрушения и страха меня наполнила большая радость. Появилось ощущение, что и все окружающие меня люди наполнены этой радостью. Когда я шел домой, я чувствовал, что и солнце сияет, радост-

но поблескивает и подтаивает снег, и радостно поблескивают лужицы, и радостно дует ветерок, и радостно чирикают и перелетают воробьи. Всюду радость! И впереди тоже радость!

Говение... Оно приближает и соединяет человека с Господом. А где Бог — там настоящая, неоскудевающая, вечная радость.

К стыду своему признаюсь, что я не узнал имени исповедовавшего меня иеромонаха. А ведь он заложил во мне основу духовного самоанализа.

Позже я в монастыре его не видел, как не видел и того иеромонаха, который служил Литургию в Сергиев день, когда я в первый раз пришел в монастырскую школу. Да простит мне Господь это нерадение к именам моих молитвенника и духовника.

Данилов день

Наступил Данилов день (4 марта ст. ст. — 17 марта н. ст.). В этот день мы были у Литургии в храме Вселенских соборов. Я впервые в своей жизни увидел, хотя и частично, но вблизи, архиерейскую службу. Я сказал — «хотя и частично» — потому, что место нашего стояния в Борисоглебском приделе не позволяло нам видеть ее всю. Мы могли видеть (и то не все, а только стоявшие в первом ряду, где был я) лишь в профиль и лишь на мгновение проходивших в процессе службы из алтаря и в алтарь священнослужителей.

Несмотря на это, архиерейская служба произвела тогда на меня большое впечатление, и до сих

пор, когда я за ней бываю, она всегда радостно волнует меня.

Перед началом службы среди молящихся в храме — тишина и торжественное ожидание. Хор наготове. Лица у хористов напряжены. Сейчас начнется встреча архиерея. Вот из северной двери главного алтаря пронес архиерейский посох иеродиакон, облаченный в золотой стихарь, опоясанный крестообразно орарем. В то же время другой иеродиакон прошел из южной двери в таком же стихаре и ораре, с перекинутой через левую руку сложенной архиерейской фиолетовой мантией. За иеродиаконами через северную и южную двери проследовали о. Архимандрит и иеромона-

Крестный ход с мощами св. благоверного князя Даниила Московского. 12. 08. 1995 г.

хи — все в клобуках и мантиях, затем иеромонах в золотой фелони (он нес на серебряном блюде с золотым парчовым покрывалом напрестольный крест).

Но что такое? Это было неожиданно! Из южной двери вышел в золотом стихаре и в широком пурпурно-золотом двойном ораре красавец-богатырь протодиакон Константин Васильевич Розов с трикирием из трех белоснежных свечей в левой руке и с кадилом в правой. Он мне показался более огромным, чем в Кремле. Может быть, облачение способствовало этому впечатлению. Навстречу Розову из северной двери шел с дикирием и кадилом другой богатырь, поменьше — наш о. Иона, в таком же стихаре, но в простом ораре. У Царских врат они встретились и пошли рядом к выходу. Приятно было видеть этих двух богатырей вместе. Они замыкали шествие встречи. Благоуханный дым от их кадил поднимался кверху. Шествие прошло, и в храме сделалось еще тише. Только снаружи доносился непрестанный благовест большого колокола.

Вдруг благовест сменился радостным трезвоном всех колоколов. Хор еще более насторожился. В храме произошло какое-то движение, как будто от дуновения ветра. Отец Иона громогласно возгласил: «Премудрость!». И вслед за этим послышался мощный рокот розовского полушепота. Хор фортиссимо подхватил: «От восток солнца до запад...», перейдя затем на умилительное пианиссимо входного «Достойно есть...». При этом пении архиерей, маститый старец (имени его не помню), медленно и величественно шествовал в мантии, придерживая левой рукой свисавший с

плеча снятый клобук, к иконам Спасителя и Богоматери, делал перед иконами поясной поклон и прикладывался к ним. Таким же образом он проследовал к мощам св. князя Даниила и приложился к ним. Затем певчие пропели «Тон деспотии...». И началось облачение архиерея.

Из этой службы мне особенно запомнилось чтение апостола о. Ионой: «Плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание...»[1] и чтение Евангелия Розовым: «Во время оно, ста Иисус на месте равне: и народ ученик Его, и множество много людий от всея Иудеи и Иерусалима, и помория Тирска и Сидонска...».[2] Все это было прочитано необыкновенно выразительно и живо, поражало и сразу же запоминалось. Но при чтении оказалось, что голос о. Ионы, казавшийся раньше удивительно сильным и красивым, померк по сравнению с необъятной мощью и величественной красотой голоса Розова. По силе звучания ионовский голос составлял, может быть, одну только треть розовского голоса. Я потом наблюдал, что голос Розова обладал феноменальным свойством наполнять помещение, независимо от его величины. Где бы ни служил Розов, всегда казалось, что стоишь рядом с ним: так отчетливо было слышно каждое слово. Это явление наблюдалось и в огромном храме Христа Спасителя, где даже такой исключительный голос, как голос народного артиста Василия Родионовича Петрова, которому завидовал Ф. И. Шаляпин, не

---

[1] Гал. 5, 22-23.
[2] Лк. 6, 17.

Вид из дворцового сада на храм Христа Спасителя. Картина неизвестного автора

мог заполнить колоссальный объем храма. Очевидно, эту особенность голоса Розова имел в виду маршал Георгий Константинович Жуков, когда в своих воспоминаниях писал: «В храме Христа Спасителя было приятно послушать протодиакона Розова. Голос у него был, как иерихонская труба».[1]

Невыразимое впечатление произвел на меня молебен св. князю Даниилу после обедни, когда весь народ, находившийся в храме, пел, повторяя за священнослужителями: «Святый благоверный княже Данииле, моли Бога о нас». В этом всенародном призыве слышалась неразрывная связь святого с молящимися. Подтверждалась истинность обещания святого князя: «Аз есмь с вами». Святой здесь, с нами, он слышит нас, и поэтому такое вдохновенное воодушевление и единение в храме.

---

[1] Маршал Г. К. Жуков. «Воспоминания и размышления», М., 1969, с. 20.

Мне вспомнилось из читанного в классе жития князя, как народ отовсюду стекался к нему, доброму князю, *стяжавшему плод духовный,* и получал здесь, в маленьком тихом московском уделе, приют и покой от притеснений князей и татар, от бурь житейских.

Вот и мне хорошо здесь, в этой тихой уютной монастырской школе, в этом святом храме, рядом со святым князем, незримо приведшим меня сюда. Хотелось просить его: «Будь всегда со мной».

И молящемуся народу здесь было хорошо. Недаром он приходит сюда, под благодатный молитвенный покров святого.

Молитвенное воодушевление и единение почувствовалось с новой силой при всенародном пении величания святому, когда могучий голос Розова спаял все голоса в одно целое.

Молебен кончился многолетием, возглашенным Розовым. Это было невыразимо. Когда Розов дошел до слов: «Многая лета!» — у меня по спине побежали мурашки, а в одном из переплетов соседнего с нами окна задрожало стекло.

После молебна архиерей, переоблаченный в мантию, вышел на амвон и стал благословлять отдельно каждого молящегося, в том числе и нас. Приложившись к мощам св. князя Даниила, мы пошли по домам.

Я возвращался домой, напоенный торжеством праздника.

Вместо экзаменов

Время шло к весне. Сергей Александрович начал нас вывозить «в город». Мы побывали у обед-

ни в храме Христа Спасителя, в Кремле, в Третьяковской галерее. Когда сошел снег, стали понемногу работать в школьном садике: очистили его от накопившегося за зиму мусора, окопали деревья, посадили новые. Все это было интересно, и работали мы с большой охотой.

Незадолго до Троицына дня, 7 мая по старому стилю, когда мы пришли в школу, Сергей Александрович сказал нам, что сегодня начнутся экзамены, что он пойдет сейчас к о. Архимандриту за благословением на экзамены и велел нам в ожидании его возвращения поработать в садике.

Работаем, а Сергея Александровича все нет и нет. Когда же будут экзамены?

Но вот и Сергей Александрович. Он весело улыбается и говорит нам:

— Отец Архимандрит велел не мучить вас экзаменами, а выставить годовые оценки по тем успехам, которые вы показали во второй половине учебного года. Он благословил вместо экзаменов поехать всем нам на три дня на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. Сейчас быстрее идите по домам и отпроситесь у родителей на эту поездку. Едем сегодня. В два часа всем быть в школе.

Я спросил:

— Сергей Александрович, а сколько денег брать с собой и что взять поесть?

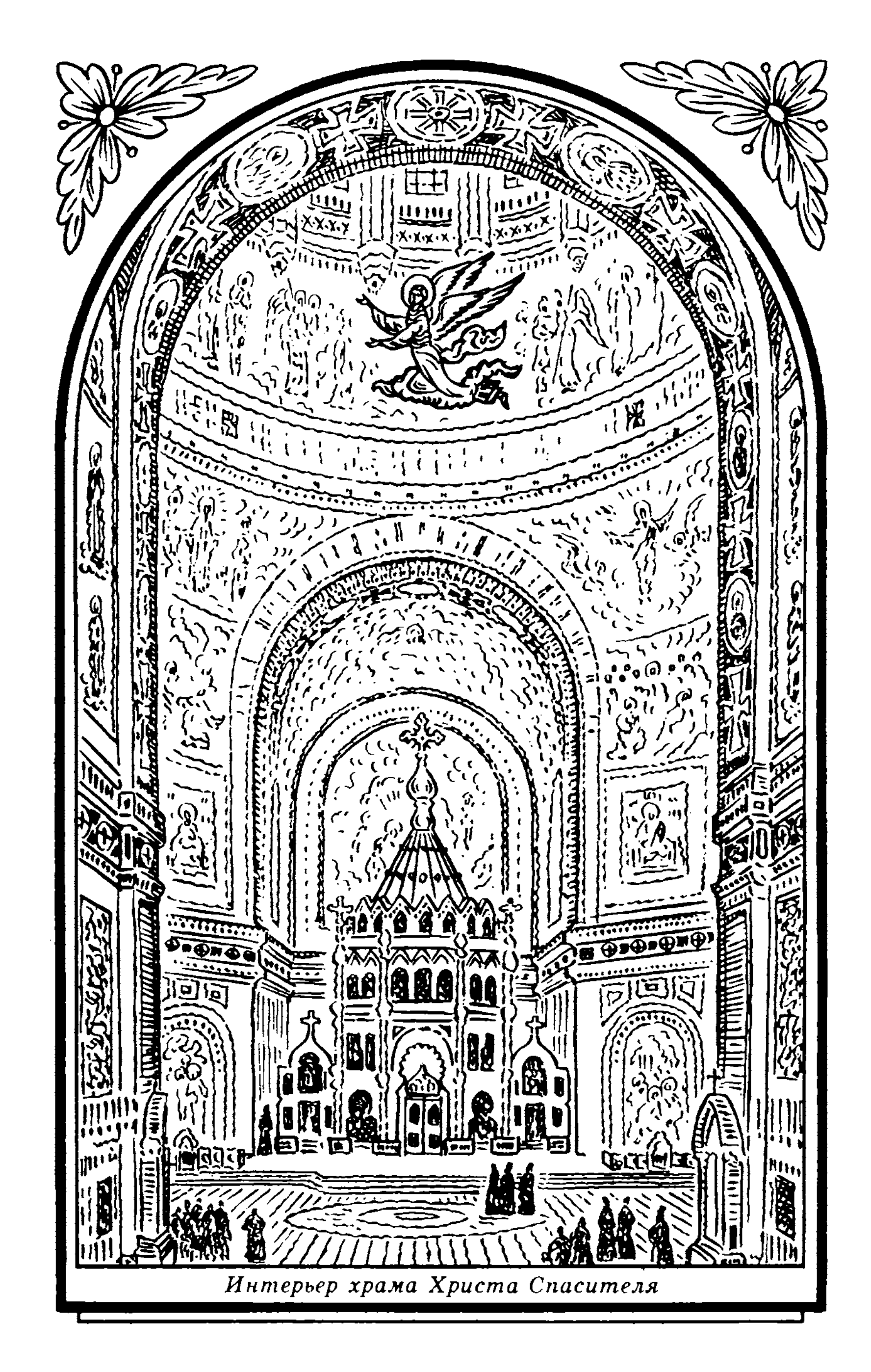
— Никаких денег и никакой еды брать с собой не надо. Вот тут на всех и на все хватит.

И Сергей Александрович вынул из кармана и показал нам сторублевую бумажку, пояснив:

— Дал о. Архимандрит.

Часть третья

ДАНИЛОВЦЫ

Интерьер храма Христа Спасителя

Помню, как в августе 1917 года я пришел в Троицкий собор Данилова монастыря ко всенощной и встал на своем обычном месте. Благовест на колокольне наполнял собор, и, казалось, этому благовесту отвечало солнце, обильно освещавшее вход в храм. Через открытые входные двери было видно, как снаружи в солнечных лучах мелькали золотистые искры летающей мошкары. Мне бросилось в глаза, что в соборе открыты все три входа, расположенные рядом, чего никогда не бывало раньше. Я отнес это на счет прекрасного погожего вечера. Молящихся было еще сравнительно мало, и с моего места хорошо просматривались все три входа. Раздался трезвон, и я стал смотреть, как войдет в собор владыка Феодор. Вскоре в центральном входе появился владыка, и почти одновременно с ним в правом и левом входах появились два каких-то монаха. Владыка шел прямо к главному алтарю. Два монаха шли туда же, несколько отступя от него, справа и слева.

Справа шел молодой светло-русый монах. У него были большие голубые, по-детски доверчиво смотревшие глаза, а лицо очень напоминало лицо Архангела Гавриила, изображенного на южной двери алтаря. Разница была лишь в том, что у молодого монаха была русая борода, а у Архангела ее не было. Лицо монаха было прекрасно, чувствовалось, что у него добрая открытая душа, и он никогда не может быть кому-либо врагом. Вскоре все мы узнали, что это иеромонах Гера-

сим, недавно успешно окончивший Московскую Духовную Академию, любимый ученик владыки Феодора.

Другой иеромонах, о. Игнатий, имел сходство с о. Герасимом, но был черноволос и более высок ростом. Лицо у него было тоже очень приветливое, располагающее, но не такое небесно-красивое, как у о. Герасима.

Отец Герасим прошел в алтарь через южную дверь, о. Игнатий — через северную. Владыка преподал с солеи общее благословение молящимся и проследовал в алтарь через южную дверь.[1]

Так впервые я увидел двух родных братьев, иеромонахов о. Герасима и о. Игнатия.

Во время чтения кафизм о. Герасим в мантии вышел на солею. Когда одна из кафизм была окончена, он перекрестился и обратился к молящимся со своей первой в Даниловом монастыре проповедью, которая мне хорошо запомнилась.[2] Вот эта проповедь.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Дорогие братья и сестры! Сто тридцать четыре года назад в глухой уединенной Задонской обители тихо угасла земная жизнь одного из ее насельников, и возжегся великий светильник нашей Русской Православной Церкви.

Сто тридцать четыре года назад, 13 августа, преставился святитель Тихон Задонский.

---

[1] Кстати надо сказать, что в те времена архиереи, и даже Патриарх, входили в алтарь через Царские врата только в мантии или в облачении. Если архиерей был в рясе, он никогда не входил в алтарь через Царские врата.

[2] В монастыре был неотступный обычай: между чтением кафизм произносить проповеди или читать положенное на данный день житие святого по Минее.

И тогда, конечно, никто из окружавших его людей не знал, что преставившийся будет озарять лучами своего света нашу духовную жизнь.

Точно так же шестьсот с лишним лет назад, 4 марта, в день преставления св. благоверного князя Даниила Московского, никто не знал, что маленький тогда Московский удел и обитель, в которой отошел ко Господу князь и в которой мы сейчас молимся, станут колыбелью Русского Государства и будут озаряться лучами света угодника Божия. Так праведники Божии «яко финиксы процветают»[1] после своей земной жизни.

Не все, конечно, помнят и знают житие святителя Тихона. Поэтому необходимо сейчас вкратце изложить это житие, тем более, что святитель Тихон является небесным покровителем нашего нового Московского митрополита высокопреосвященного Тихона.[2] Завтра день тезоименитства нашего московского владыки».

Из изложенного о. Герасимом жития мне ярко запомнилось тяжелое детство мальчика Тимы.[3] По выражению о. Герасима, «в это детство из каждого угла их бедной избушки смотрела страшная нужда». Сын бедного сельского дьячка, Тима рано лишился отца, и, чтобы помочь своей матери, мальчику пришлось батрачить. Одновременно он учился в духовном училище, а затем — в семинарии. Он очень любил читать, но читать можно было только поздними вечерами. Мальчик нередко продавал положенную ему пищу, чтобы

---

[1] Пс. 91, 13.

[2] Митрополит Тихон (Белавин), будущий Патриарх всея Руси.

[3] Тимофей — мирское имя Тихона Задонского.

купить свечей для чтения. Меня поразило это терпение, и я невольно тогда подумал: «Я не способен на это».

Отец Герасим особо подчеркнул значение трудов святителя Тихона по управлению Воронежской епархией, по насаждению в ней подлинного благочестия. В конце изложения жития о. Герасим сказал:

«Много духовных наставлений оставил нам святитель, много потребуется времени, чтобы хотя бы вкратце рассказать о них, но сейчас хочется напомнить одно наставление, которое всегда должно быть у нас на памяти, когда мы заметим что-нибудь плохое за другим человеком. Вот что говорит святитель: "Когда что худое увидишь в твоем ближнем, то запечатлей уста твои молчанием, а о нем воздохни ко Господу, да исправит его; и о себе молись, дабы в такой же порок не впасть, потому что мы — немощные, и с нами может случиться то же или даже еще худшее". Нам это наставление надо твердо запомнить. Как часто, заметив порок ближнего, мы не только не "запечатляем уста молчанием", а, наоборот, спешим рассказать об этом другим и совершенно не помним, что и мы можем впасть в то же. А уж молиться за впадшего в порок мы и не думаем, так же как не думаем помолиться "о себе, чтобы в такой же порок не впасть". Вот сразу сколько грехов мы наделаем, заметив что-то плохое в своем ближнем. Будем же всегда помнить, как опасно мы ходим, будем всегда помнить это наставление святителя.

Смирение пронизывало все поступки, всю жизнь святителя. Считая себя многогрешным и

недостойным, святитель постоянно просил других молиться за него, и его последние слова при отходе от земной жизни были: "Помяните Тихона". И мы должны помянуть Тихона в наше многотрудное время, но помянуть не за упокой, а помянуть как великого светильника нашей земли: "Святителю отче Тихоне, моли Бога о нас! Аминь"».

Говорил о. Герасим горячо, вдохновенно, но без жестов. Руки его со спокойно сложенными одна на другую кистями были опущены вниз, и это свидетельствовало, что пафос его не внешний, а органически идет изнутри, от души. Лицо его было немного приподнято вверх, и туда же устремлен восторженный взор. Это был замечательный проповедник, зажигавший сердца людей.

Вскоре о. Герасим своими вдохновенными проповедями и проникновенной службой, всем своим чистым, ангельским видом, своим ровным и добрым отношением к каждому, заслужил всеобщее уважение и любовь. Через два года он был уже в сане архимандрита и наместником монастыря. Все рады были бы видеть его архиереем и ждали этого. Но Бог судил иначе. Видно, этот человек был предназначен для Неба. В 1920 году о. Герасим скончался от сыпного тифа. С большой скорбью владыка отпел и проводил его до могилы, выкопанной за алтарем правого придела Троицкого собора, симметрично с могилой Николая Рубинштейна, находившейся за алтарем левого придела. Только на могиле Рубинштейна стоял великолепный памятник, а у о. Герасима — простой деревянный крест.

Мне часто вспоминается о. Герасим по следующему случаю. Как-то раз под живым впечатлением только что услышанного о плохом поступке одного из священнослужителей, я рассказал об этом в алтаре о. Герасиму. Он ничего мне не ответил, лишь посмотрел на меня глубоким, ласковым, но укоряющим взором. Это был взор Ангела-Хранителя. Так воспринимаю я его сейчас и, наверное, так же он был воспринят мною тогда, потому что мне сразу стало невыносимо стыдно: я понял, что я очень глуп и очень грешен.

Мой стыд превратился в какое-то адское терзание, когда на другой же день выяснилось, что услышанное мною и тут же пересказанное о. Герасиму о плохом поступке священнослужителя — сущая ложь.

Я не знал, куда деваться, — хоть сквозь землю провались, — мне было невыносимо стыдно показаться на глаза о. Герасиму.

Я и сейчас содрогаюсь при мысли, что был соучастником клеветы на священнослужителя. А об участи всех лжецов ясно сказал апостол и евангелист Иоанн Богосло́в: «всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая».[1] Господи, прости это мое тяжкое согрешение!

Как сейчас вижу укоряющий взор о. Герасима. Сколько раз этот взор вспоминался мне и останавливал меня от осуждения другого человека. Сколько раз он вспоминался мне и заставлял каяться, когда необузданный мой язык приводил меня к такому греху.

---

[1] Откр. 21, 8.

* * *

Брат о. Герасима — о. Игнатий с большим благолепием служил молебны святому благоверному князю Даниилу, у мощей которого он нес послушание. В начале 1923 года о. Игнатий был возведен в сан архимандрита, а вскоре после Пасхи совершилась его хиротония во епископа Тульского и Белевского. Это была первая виденная мною архиерейская хиротония. Совершал хиротонию в Троицком соборе митрополит Серафим (Чичагов) с другими архиереями; какими — я не помню.

Дня через два после хиротонии владыка Игнатий служил благодарственный молебен у мощей св. князя Даниила. Мне посчастливилось за этим молебном держать посох нового владыки. После молебна епископ Игнатий уехал в свою епархию, и с тех пор я о нем ничего не слышал.

В сентябре 1965 года по делам своей службы я был в Туле. В воскресный день я побывал за ранней обедней в величественном Тульском кафедральном соборе и пел в хоре. После обедни певчие пригласили меня на чай. За чаем я спросил: слышали ли певчие что-либо о епископе Игнатии? Один из певчих, по имени Димитрий,[1] ответил: «В Туле мало осталось людей, которые помнят епископа Игнатия. Говорят, что это был святой человек».

Отец Поликарп

Это было спустя два-три дня после октябрьских революционных событий в Москве 1917 года.

[1] Позже он был диаконом в одном из тульских храмов, но вскоре скончался.

Я шел в гимназию. Когда я вышел из нашего переулка на Павловскую улицу, меня поразила необычайная для того времени похоронная процессия. От Чернышевских казарм (тогда они назывались Александровскими) двигался нескончаемый поток запряженных лошадьми пушечных лафетов и просто ломовых полков, на которых стояли закрытые красные гробы. На крышке каждого гроба лежала фуражка или шапка с пришитыми к ней красными повязками. На некоторых крышках лежали сабля или шашка.

Это были похороны красногвардейцев, павших в октябрьских революционных боях. Процессия двигалась через Серпуховку и Пятницкую улицу на Красную площадь.

*Красная площадь.
Конец XIX века*

Я пошел по правой стороне улицы обычным своим путем в гимназию.

Мне было жалко павших, и я невольно думал, как же будут жить теперь их семьи. Это тягостное чувство усиливалось тем, что за некоторыми гробами шли в трауре, очевидно, родственники. Мужчины были грустно-задумчивы, женщины — заплаканы.

Случайно обернувшись назад, я увидел, что в нескольких шагах позади меня шли два монаха. Один был о. Герасим, а другой — неизвестный мне молодой брюнет лет двадцати пяти, с очень

бледным лицом аскета, большими выразительными черными глазами и правильными длинными бровями. Лицо этого монаха мне сразу напомнило лица молодых святых на иконах и картинах Васнецова.

Я нарочно замедлил шаги, чтобы лучше рассмотреть монаха.

Он был в клобуке с наметкой, заправленной под теплую рясу-пальто. Монах смотрел сосредоточенно, вниз перед собой, но не мрачно, а смиренно. Может быть, это была мысленная молитва.

После дождя на тротуаре было очень мокро. Видимо поэтому, монах несколько приподнял рясу левой рукой. Тем не менее ряса была очень забрызгана. Монах был сутул, что органично гармонировало с его смиренным видом.

Сутулость монаха навела меня на отвлеченный вопрос: сутулость порождает привычку, склонив голову, смотреть вниз, или наоборот, привычка постоянно клонить голову книзу приводит к сутулости? Заняться решением этого «важного» вопроса мне не удалось. Мы были уже у Серпуховской площади, и надо было решать другую задачу: как пройти на другую сторону, чтобы попасть на Полянку. Пришлось ждать подходящий интервал в процессии, чтобы прошмыгнуть через него, и я потерял монахов из виду.

Через несколько дней я увидел в Троицком соборе монастыря нового монаха, встретившегося мне во время похоронной процессии. Он служил в сане иеродиакона. Мне назвали его имя — Поликарп. Он, также как о. Герасим с о. Игнатием, пришел из академии. Служба его ничем не выделялась, но он отличался от других монахов

монастыря особенной сдержанностью, скромностью, молчаливостью, сосредоточенностью, внутренней самоуглубленностью. Складывалось впечатление, что он постоянно молится «про себя».

Вскоре о. Поликарп был посвящен в иеромонаха.

Некоторым молодым женщинам, посещавшим монастырские службы, нравилось подходить на монастырском дворе под благословение к молодым иеромонахам и задавать им вопросы, большей частью праздные, служившие лишь предлогом к тому, чтобы заговорить и познакомиться. Отец Поликарп появлялся на монастырском дворе, лишь следуя в храм или из храма, шел всегда быстро, потупив взор в землю. Дав благословение, он на подобные вопросы отвечал односложно, раскрывая духовную пустоту вопроса, и тут же ускоренным шагом шел дальше. Таким образом он быстро отучил задавать ему подобные вопросы.

Я мало слышал проповедей о. Поликарпа. То ли он редко проповедовал, то ли я не попадал на его проповеди. Мне запомнился лишь фрагмент всего одной из его проповедей, поразившей меня неожиданностью совпадения моей мысли с тем, что сказал о. Поликарп. Как будто он читал мою мысль и говорил для меня.

Это было в неделю о мытаре и фарисее. Когда о. Поликарп напомнил молящимся содержание притчи о мытаре и фарисее по евангельскому чтению этого дня, я подумал: «Я — не такой, как этот фарисей». И только я это подумал, как о. Поликарп сказал: «Некоторые могут подумать: «Я — не такой, как этот фарисей, я — лучше».

При этом о. Поликарп посмотрел в мою сторону, взоры наши встретились... Отец Поликарп продолжал: «Кто так подумает, тот сразу становится ниже фарисея, потому что осуждает его. А ведь Господь говорит в притче, что фарисей пошел домой все-таки оправданным, пусть меньше оправданным, чем мытарь, но все-таки оправданным. А мы-то пойдем оправданными?

Фарисей благодарил Бога за дарование ему добродетелей, которые у него действительно имелись. А у нас есть добродетели?

Хочешь оправдаться — думай о *своих* грехах и недостатках. И если будешь внимателен — содрогнешься от множества *своих* тяжких грехов и вспомнишь слова предпричастной молитвы: «Господи, Ты пришел в мир грешников спасти, от нихже первый есмь аз». И из твоей груди вырвется глубокий вздох и другой молитвы — молитвы мытаря: «Боже, милостив буди мне грешному».

Если мы хотим оправдаться перед Богом — мы должны идти по пути очищения себя от грехов. Для этого необходимы: глубокое сознание своей греховности, горячее желание освободиться от греха и, конечно, Божия помощь. Путь к нашему оправданию лежит через Исповедь и Причащение Святых Христовых Таин. Самооправдания и самоочищения нет и не может быть. Без Бога не до порога».

Отец Поликарп обладал особым даром совершения исповеди.[1] Те, кого он исповедовал, говори-

---

[1] В Даниловом монастыре совершалась только частная исповедь. Общей исповеди, как это принято теперь во многих

ли, что у него необыкновенно легко исповедоваться, хотя он часто накладывал на исповедовавшихся епитимии. Мне неоднократно приходилось слышать, что его духовные дети освобождались от закоренелых тяжких грехов и греховных привычек и, раскаявшись в них, никогда уже к ним не возвращались. Такова была благодатная сила совершения им исповеди и его молитв за духовных детей.

Вспоминая о. Поликарпа, нельзя умолчать о следующем случае. У владыки Феодора был келейник Ванюша, мальчик лет шестнадцати. Как сейчас его вижу: коротко стриженная белобрысая голова с косым проборчиком, лицо приветливое, круглолицый, краснощекий, с немного вздернутым носом, голубая рубашка навыпуск, подпоясанная простым тесьмяным пояском. Говорили, что он — сирота. К нему все хорошо относились, берегли его и никогда не обижали.

Однажды он сказал владыке, что вступает в комсомол. Владыка был ошеломлен.

— Но где же ты будешь жить?

— Жилье мне дадут.

— Иди, я тебя удерживать не буду.

К уходу Вани все отнеслись сдержанно. Старались с ним об этом не говорить и ни о чем не расспрашивали.

В день ухода Вани его позвал к себе в келью о. Поликарп.

храмах, в монастыре никогда не совершалось. Нередко частная исповедь за всенощной затягивалась далеко заполночь. Надо было исповедать всех желающих, а их были сотни.

— Ванюша, у меня к тебе большая просьба, — сказал о. Поликарп, — ты от нас уходишь, а у тебя ничего нет. Возьми мою личную мебель.

И о. Поликарп отдал Ване все, что имел: свою скудную мебель и вещи домашнего обихода, какие у него имелись.

Монахи и богомольцы монастыря уважали и любили о. Поликарпа. По ходатайству владыки Феодора о. Поликарп был возведен в сан архимандрита и назначен наместником монастыря. Ему довелось довольно долго, когда владыка был в заключении, управлять монастырем. Будучи наместником, о. Поликарп ввел обычай: по воскресным и праздничным дням после поздней обедни предлагать трапезу нуждающимся богомольцам. Обычно обедало человек до пятидесяти. Трапеза состояла из монастырской похлебки (постный суп или щи) с ржаным хлебом и каши. Приготовлено все было по-монастырски просто и очень вкусно. Этот обычай сохранялся и после ареста о. Поликарпа, вплоть до закрытия монастыря.

Как-то после войны, году в 1946-м, я случайно встретился с Анатолием, бывшим монастырским звонарем-любителем. В разговоре вспомнили о Даниловом монастыре, закрытом в 1930 году. На мой вопрос, известно ли ему что-либо об о. Поликарпе, Анатолий отвечал: «Мне ничего не известно. Я ведь как поступил в МГУ, так навсегда отошел от монастыря, — потом Анатолий помолчал, задумчиво посмотрел на меня и сказал: — Миша, ты знаешь, я — атеист. Но каждый раз, когда я вспоминаю Поликарпа, мой атеизм начинает рушиться, и я тут же стараюсь забыть Поликарпа, чтобы не стать снова верующим.

— Я завтра должен идти с о. Феофилом в Храм Христа Спасителя на благодарственную службу Патриарха,[1] — сказал мне Анатолий за шестопсалмием в одну из субботних всенощных в храме Вселенских соборов летом 1919 года, — но я не пойду. Нам неожиданно привезли муку, и мать завтра печет пироги. Чтобы не опоздать к горячим пирогам, я пойду к ранней обедне в монастырь.[2] Хочешь пойти с о. Феофилом?

— Конечно, хочу, — ответил я, — я никогда не был в алтаре храма Христа Спасителя.

Мы пошли к о. Феофилу за благословением. Он понял желание Анатолия и благословил меня идти с ним в храм Христа Спасителя.

В воскресенье, к условленному времени — в 7 час. 30 мин. — я был в монастыре. Отец Феофил ждал меня. Он был в рясе и скуфье. В одной руке у него был футляр с митрой, в другой — узелок со стихарем для меня. Я взял у него узе-

---

[1] Летом 1919 года на жизнь Патриарха Тихона было совершено покушение. После службы в храме Христа Спасителя на него напала с ножом какая-то женщина. Ее схватили, но она успела ранить Патриарха. Рана оказалась неопасной, Патриарх скоро поправился и благодарил Господа за спасение.

[2] Анатолий — тот самый звонарь-любитель, словами которого закончен предыдущий очерк. Желание Анатолия попасть к горячим пирогам тогда было вполне понятно. Люди в то время в Москве голодали. Очень скудный хлебный паек по карточкам выдавался не каждый день, и поесть горячих пирогов с картошкой из неожиданно полученной муки для голодного мальчика было равносильно большому празднику.

Остоженка. Справа — храм Христа Спасителя. Конец XIX века

лок, получил благословение, и мы отправились в путь.

Архимандрит Феофил только что появился в Даниловом монастыре. Откуда он прибыл, я как-то не удосужился спросить, думая, что он будет в монастыре постоянно. Но он пробыл здесь совсем недолго, видимо, был проездом. Архимандриту на вид было лет сорок. Он был высокого роста, с могучими плечами, большим телом и красивым сильным голосом. Добродушное русское лицо, каштановые волосы на голове и богатырская борода дополняли его облик, дышавший здоровьем и силой.

На нашем пути, лежавшем через Павловскую улицу, Серпуховку, Большую Полянку, Болотную улицу и Большой Каменный мост, было девять храмов и две часовни. Как только появлялся храм, мимо которого мы должны были пройти, о. Феофил спрашивал меня, во имя кого и ко-

гда этот храм построен. Проходя мимо храма, он обращал к нему свой взор и на ходу широко крестился. Чувствовалось, что он не просто крестится, а молится.

Я, конечно, не мог ответить на все вопросы о. Феофила относительно храмов. О времени постройки храма я большей частью отвечал, что, видимо, он построен в таком-то столетии. При этом я исходил из того, что знал тогда из истории русской архитектуры. Но мне было очень стыдно, что я не знал, во имя кого освящены храм Третьяковской богадельни на Серпуховке (хотя в этот храм я ходил очень часто с пятилетнего возраста), храм большой больницы на Полянке и небольшой храм на набережной при подходе к храму Христа Спасителя. Но о. Феофил, проходя мимо этих храмов, так же крестился, как бы не замечая моего неведения.

В начале нашего пути, на Павловской улице, были еще два храма: храм Павловской (ныне 4-ой городской) больницы и солдатский храм в Чернышевских казармах. Но они находились в зданиях гражданского типа и были не заметны с улицы, поэтому не вызвали вопросов о. Феофила. Во имя кого были освящены эти храмы, я также не знал.

Может возникнуть вопрос: почему такой, довольно длинный, путь мы шли пешком? Страна и Москва переживали тогда очень трудное время. Еще не кончилась интервенция и гражданская война, топлива не хватало, трамваи в Москве не ходили.

Но вот мы у храма Христа Спасителя. В храм вели двенадцать входов: один большой и два ма-

лых на каждой из четырех сторон храма. Это были величественные входы — бронзовые врата, украшенные с наружной стороны бронзовыми скульптурами русских святых. Эти скульптуры и беломраморные скульптурные группы на обводе храма по всему его периметру, изображавшие события из Священной истории, придавали внешнему виду храма необыкновенную живость. Казалось, особенно при звоне четырех колоколен храма, что скульптуры замерли лишь на какое-то мгновение и тотчас продолжат свое движение. Сказанное о вратах и о скульптуре — лишь незначительная часть того, что можно сказать о великолепии храма Христа Спасителя.

Войдя в открытую дверь левого входа с восточной, алтарной стороны храма, и пройдя немного внутренним коридором, мы оказались в алтаре.

Алтарь состоял из двух частей. Одна часть в форме храма из белого полированного мрамора с шатровой латунной кровлей, увенчанной куполом с крестом, включала Престол. В этот храм было четыре прохода-арки: западная арка с Царскими вратами; восточная арка, ведущая к Горнему месту; северная, ведущая к жертвеннику; южная — для входа к Престолу от южной двери алтаря. Духовный восторг охватывал молящихся, когда они, войдя в храм Христа Спасителя, видели среди величия этого храма второй великолепный храм — Престол.

Вторая часть алтаря, включающая жертвенник и Горнее место, была очень обширной. На огромной восточной стене этой части алтаря было изображено Рождество Христово по содержанию всего кондака праздника Рождества: «Дева днесь

Пресущественнаго раждает...».[1] На фризе арки перед алтарной стеной, обращенном к молящимся в храме, красивой разборчивой вязью по золотому фону был написан весь этот кондак. Меня и раньше, когда я бывал в храме Христа Спасителя, всегда поражала эта картина, насколько ее можно было видеть со стороны молящихся, а теперь я увидел ее всю, полную духовного вдохновения и величия. Сердце мое радостно билось...

Когда мы пришли, в алтаре готовились к встрече Патриарха. Сослужащих Патриарху архиереев облачали в мантии. Особенно красивы были светло-голубые мантии митрополитов, переливавшиеся серебром. Иподиаконы складывали ризы Патриарха для облачения его по патриаршему чину. Готовили облачения архиереев. Протоиерей Александр Хотовицкий показывал пришедшим сослужащим священникам их облачения. Протодиакон Константин Розов, облаченный в стихарь с двойным орарем в древнем стиле, стоял с трикирием. Он был нездоров: у него был насморк, и завязано ухо. Тем не менее, в продолжение всей службы голос его звучал хорошо, только несколь-

---

[1] К описанию внутреннего вида храма надо добавить, что в большой нише стены правого клироса, обращенной к молящимся под углом 45°, было изображено поклонение вифлеемских пастухов лежащему в яслях Христу, и в такой же нише левого клироса — поклонение Христу волхвов. Удачный замысел художника показать в стенной нише вифлеемскую пещеру придавал изображениям стереоскопическую рельефность и выразительную живость.

Дивное сочетание алтарной картины Рождества Христова с этими двумя картинами заставляло ярко переживать великие события первых дней жизни Спасителя на земле. Казалось, что и я, и все мы — участники этих событий.

ко в нос.[1] Рядом с Розовым стоял с дикирием протодиакон храма Христа Спасителя Архангельский. Два протодиакона — Шаховцев[2] и Ризположенский[3] были с кадилами.

Начался благовест большого колокола, наполнивший храм торжественным гулом. Встречавшие Патриарха двинулись из алтаря к западным воротам храма.

Отец Феофил на встречу не выходил, хотя сослужил в совершении Литургии. Я заметил, что в алтаре было много священнослужителей и среди них архиереев, не участвовавших в службе. Они прибыли помолиться за Патриарха и поздравить его со скорым выздоровлением.

Место о. Феофила во время Литургии было примерно посередине алтаря, т.е. далеко за престольной сенью-храмом. Я стоял сзади о. Феофила, принимая от него по ходу службы митру и опять возвращая ее ему. Мне не видно было ни

---

[1] В то время Розов был еще в сане протодиакона. В сан архидиакона он возведен был позже, году в двадцатом, камилавка протодиаконам тогда не давалась. Камилавку имел только архидиакон Розов.

[2] Шаховцев, сын известного протодиакона Андрея Шаховцева, был протодиаконом храма Христа Спасителя. Отец Андрей Шаховцев был похоронен в Даниловом монастыре. Хорошо помню его надгробную плиту черного гранита с указанием даты его кончины — 1903 или 1910 г.

[3] Ризположенский был протодиаконом Успенского собора. Поскольку Кремль уже был закрыт, Ризположенский служил где-то в приходском храме. Мне запомнился такой эпизод. Как-то в начале 1920 года я обратил внимание протодиакона, что подрясник у него очень широк. В ответ он оттянул с живота подрясник вперед. Получился большой пустой запас. «Вот какой я был до голодного времени», — сказал он мне.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси

Патриарха, ни сослужащих ему архиереев, ничего, что совершалось в сени храма. Лишь дважды я вскользь увидел Патриарха, чуть сутулившегося, шедшего величаво-спокойной походкой к Горнему месту при пении «Трисвятого» и от жертвенника к Царским вратам во время Великого входа.

На благодарственный молебен мы вышли из алтаря, и тут мне удалось увидеть всех служащих архиереев с Патриархом во главе.

В глазах Патриарха, смотревшего из-под нависших седых бровей, светилась радость, любовь и

добродушие. Какая-то святая бодрость и простота виделись во всем его облике. Сравнивая его с другими сослужащими архиереями, я невольно подумал: «Вот истинно святитель! Святитель по образу и подобию московских святителей».

Благодарственная служба окончилась. Переоблачившись в мантию, Патриарх благословил каждого, кто находился в алтаре, в том числе и меня, и вышел из алтаря благословлять народ. Загудел торжественный звон всех четырех колоколен храма. Отец Феофил отпустил меня, сказав, что ему нужно остаться. Я взял узелок со стихарем и отправился домой, не чувствуя ни усталости, ни голода. Отца Феофила я больше не видел.

К стыду своему сейчас я вспомнил, что за этой службой ни разу не помолился о Патриархе. Даже тогда, когда сравнивал его с другими сослужащими архиереями — и тогда не помолился.

Господи, прости мне мою рассеянность и невнимание!

Усердно молиться, просить неотступно

Прошли годы. Однажды, через несколько лет после войны, я шел мимо того места, где находился раньше храм Христа Спасителя, к тому времени уже взорванный. С сердечной горечью подумалось: как могло случиться, что такой величественный храм, русская святыня, русская драгоценность, наконец, — памятник победы в Отечественной войне 1812 года, — был разрушен и снесен?

Неожиданно возник ответ: за наше неверие, маловерие, нерадение к святым храмам был приго-

вор «во областях заочных» — «Се, оставляется вам дом ваш пуст...».[1]

И затворились двери храма! И храм исчез!

И сбылись слова игуменьи Алексеевского монастыря: «Окромя большой лужи здесь ничего не будет».[2]

Вспомнился храм во всей его красоте и богатстве. Вспомнились торжественность и благолепие Божиих служб. Вспомнился и о. Феофил...

О чем он молился, проходя мимо храмов?

И вдруг из глубины души сама собой излилась молитва: «Господи, благодарим Тебя за Твое великое милосердие и долготерпение к нам, грешным. Прости нам наше неверие, маловерие, нерадение к Твоим храмам. Господи, возвесели сердца наши возвращением нам храма Твоего святого и возношением в нем молитв Тебе, Богу нашему».

— Но ведь это невозможно!

— Нет! Богу все возможно!

Если будем усердно и неотступно молиться, молиться все, едиными устами и единым сердцем, Господь услышит наши молитвы, и вновь совершится чудо.

Откроются двери храмов — закрытых, разрушенных, снесенных!

Возжгутся в них молитвенные свечи, вознесется кадильный фимиам, польются слезы покаяний, благодарений и прошений!

---

[1] Мф. 23, 38.

[2] До постройки храма Христа Спасителя на его месте находился женский Алексеевский монастырь. Когда игуменье этого монастыря объявили, что монастырь сносится и на его месте будет построен храм, она ответила: «Окромя большой лужи здесь ничего не будет».

Снизойдет пламень Божественной благодати.

И в этом пламени и слезах расплавятся окаменевшие сердца.

И мы станем ближе к Богу, и Бог будет с нами.

И в сто раз усилится наша Родина.

И никакая опасность не будет нам страшна, она пройдет мимо нас, потому что «живый в помощи Вышняго, в крове[1] Бога Небеснаго водворится».[2]

Буди сие! Буди![3]

Промелькнув в моей жизни «как мимолетное виденье», о. Феофил оставил в ней глубокий след. Своим примером он внушил мне внимание к святым храмам и обычай мысленно молиться, когда проходишь мимо храма, независимо от того, действует ли данный храм, закрыт или снесен. Неукоснительное следование этому обычаю приносит большую духовную пользу.

Феофил — имя греческое. В переводе на русский язык оно означает: друг Божий. Я счастлив, что побыл с другом Божиим (хотя совсем недолго, можно сказать, мимоходом) в мое назидание.

Архимандрит Симеон

В монастыре на покое жил архимандрит Симеон. Он пользовался всеобщей симпатией и уважением. Трудно определить, что было тому причиной, но совершенно безспорно, что расположение к нему рождалось у других людей как-то само со-

[1] Под покровом. — Ред.

[2] Пс. 90, 1.

[3] Как видим ныне, Бог услышал эту молитву. — Ред.

бой, с первого взгляда. Может быть поэтому, память об о. Симеоне сохраняется до сих пор, и иногда встречаются даже молодые люди, которые на вопрос, слышали ли они что-нибудь о даниловском старце Симеоне, отвечают:

— Да, это тот старец, которого возили в кресле-коляске.

Но, к сожалению, этим и исчерпывается память о нем. Поэтому хочется сообщить крупицы сведений, запомнившихся мне об о. Симеоне.

Не помню точно, когда он появился в монастыре. Мелькает в памяти, будто еще при настоятеле архимандрите Иоакиме я видел о. Симеона в храме Симеона Столпника, куда его привезли однажды в кресле-коляске из флигеля, в котором жили беженцы. Флигель этот соединялся ходом с храмом, что было удобно для перемещения о. Симеона.

Отец Симеон уже давно не мог ходить. Говорили, что в 1905 году, когда он шел по улице, началась перестрелка между войсками и восставшими рабочими. Во время этой перестрелки о. Симеон был нечаянно ранен. Вследствие ранения у него парализовало обе ноги.

Отцу Симеону было лет пятьдесят. Он был крупного сложения. Его лицо с большим лбом и выразительными глазами, вдумчиво смотревшими сквозь очки, светилось умом. Несмотря на свою «прикованность» к креслу, о. Симеон имел внушительный, можно даже сказать, величественный вид.

При настоятельстве владыки Феодора о. Симеон в храмах монастыря бывал за каждой вос-

кресной и праздничной службой. Обладая хорошим голосом (бас) и слухом, он пел на правом клиросе.

Келейником его был иеромонах Николай. Это был очень смиренный человек, с большой любовью ухаживавший за о. Симеоном. При первых же звуках благовеста о. Николай вез на кресле архимандрита Симеона из покоев первого этажа настоятельского дома к храму. У храма под сиденье кресла продевался прочный костыль, достаточно длинный для того, чтобы с боков кресла за него могли взяться по два человека. Охотников внести о. Симеона на довольно высокую паперть всегда хватало с избытком. Многие богомольцы специально приходили раньше, чтобы нести о. Симеона. Сзади кресло поддерживал за ручку о. Николай.

Отец Симеон сидел на своем кресле-коляске в задней части клироса у самого барьера, что позволяло молящимся видеть его лицо.

Как-то в декабре 1923 года Коля Журко[1] — посошник владыки Феодора — разговорился со мной о протодиаконе о. Максиме Михайлове,[2]

---

[1] Коля Журко — сын врача Михаила Ивановича Журко, славившегося в то время по всей Даниловке (за Камер-Коллежским валом). Брат Коли — Миша тоже прислуживал в алтаре. Часто ходили молиться в монастырь мамаша Коли и две его сестры Люда и Надя. Братья, сестры и их мамаша отличались выдающейся красотой. Сестры и мамаша были всегда одеты с большим вкусом, что еще больше подчеркивало их красоту. В храме они стояли чинно, строго, както плотно, как столпы, что выделяло их среди молящихся.

[2] Максим Доримедонтович Михайлов — протодиакон при Патриархе Тихоне. Впоследствии известный солист Большого театра, Народный артист СССР, лауреат Государственных премий. Особенно впечатляюще выступал в ролях Ивана Су-

приехавшем незадолго до того в Москву и начавшем служить с Патриархом Тихоном вместо скончавшегося архидиакона о. Константина Розова.

— На днях, — сказал мне Коля, — я слышал Михайлова у нас в монастыре на спевке с правым хором. Оказывается, Михайлов знаком с Иваном Яковлевичем[1] и скоро будет служить у нас за всенощной. На спевке Михайлов пел «Блажен муж...», «Ныне отпущаеши...» и «Спаси, Боже, люди Твоя...». Голос у него красивый, сильный и очень ровный, одинаково легко звучавший на «низах» и на «верхах». Мне он очень понравился. Из оставшихся после Розова протодиаконов Михайлов, пожалуй, самый лучший. Его заслушаешься. Но не меньше Михайлова хотелось слушать о. Симеона.

— Разве о. Симеон солирует? — спросил я.

санина и летописца Пимена. Умирая, Михайлов просил отпеть его в церкви как протодиакона, что и было выполнено в храме Воскресения Словущего на ул. Неждановой (бывший Брюсовский переулок).

[1] Иван Яковлевич — протодиакон монастыря — не был монахом, но принял обет безбрачия. Он перешел в монастырь году в двадцать первом — двадцать втором из храма Христа Спасителя, где был псаломщиком. Иван Яковлевич поселился в квадратной башне монастырской стены у храма Вселенских соборов. Он запомнился мне наружным сходством с Петром I и тем, что круглый год ходил в летней одежде и без шапки, даже в самые лютые морозы. Голос у него был глуховатый бас, но служил он торжественно. Говорили, что он большой постник. Протодиакон Михайлов, будучи хорошим знакомым Ивана Яковлевича, всегда останавливался у него в башне, когда служил в монастыре. Примечательно, что Ивана Яковлевича все в монастыре называли по имени-отчеству, а не «отец протодиакон»,или просто «отец Иоанн».

— Да нет, он не пел, а говорил о церковной службе.

— Что же он говорил?

— Сейчас расскажу. Приехал Михайлов с опозданием. Пока его ждали, среди певчих зашел разговор о том, как лучше петь ектеньи: с «перекрытием» или без «перекрытия».[1]

Отец Симеон сначала слушал этот разговор, а потом сказал:

— Многим нравится пение с «перекрытием». Звучит это красиво, но слова ектеньи, которые молящиеся должны слышать, чтобы молиться этими словами, скрадываются. И получается, что красивое заслоняет собою столь важную в церкви общую молитву. Это — то самое «многогласие», против которого восставал и боролся Патриарх Никон.

Обычаем церковным установлено повторение хором прокимнов, возглашаемых диаконом или чтецом. Это сделано для того, чтобы обратить особое внимание молящихся на содержание прокимнов. У нас теперь нередко и прокимны «перекрываются». И то, что должно запомниться, выпадает из внимания.

Прекрасен обычай пения стихир с канонархом. При этом пении до молящихся доходит каждое слово и возвышает душу. Вспоминаю, как в детстве я пришел ко всенощной накануне Вербного воскресенья. Пасха была в тот год поздняя, было тепло, все распускалось. Было радостно идти в церковь с вербочкой... И вот я услышал стихи-

[1] «Перекрытие» ектеньи — это когда диакон говорит слова прошения, а хор одновременно с этими словами поет «Господи, помилуй» или «Подай, Господи».

ры, певшиеся с канонархом, глубоко тронувшие мою душу и запомнившиеся на всю жизнь. Особенно тронула стихира, в которой говорится: «Прежде шести дней Пасхи прииде Иисус во Вифанию, и приступиша к Нему ученицы Его, глаголюще Ему: «Господи, где хощеши, уготоваем Ти ясти пасху?». Он же посла их: «Идите в преднюю весь и обрящете человека, скудель воды носяща, последуйте ему и дому владыце рцыте: «Учитель глаголет, у тебе сотворю пасху со ученики Моими».

Каждая фраза, сказанная канонархом и пропетая затем хором, запечатлелась в моей детской памяти, и воображение рисовало тихую Вифанию, само название которой, как мне казалось, было мягкое, созвучное уютному, полному благоухающей зелени селению, куда пришел Господь. Безхитростная душа умилялась предведением Господа: «Идите и встретите человека с кувшином воды», и сердце трепетало при словах: «Учитель глаголет: у тебе сотворю пасху со ученики Моими», — ведь Он знал, что это Его последняя пасха перед крестными страданиями... Сердце мое сжималось, и в то же время в глубине души зажигалась весенняя заря несказанной радости Воскресения Христова и нашей Пасхи.

Увы, вам известно, как зачастую обезцвечивается стихира, пропетая только хором, да притом торопливо. Многие слова и даже фразы не доходят до молящихся, и дивная по своему содержанию стихира остается без внимания. Молящиеся стоят без воодушевления, и к ним скоро приходит утомление, которого никогда не бывает при вдохновенной службе.

К сожалению, теперь пение с канонархом только в монастырях, а в приходских храмах даже те стихиры, которые должны петься дважды, поются по одному разу.

Если уж зашел разговор об ектенийных «Господи, помилуй», то, мне кажется, лучшие из них — старинных распевов, а больше всего мне по душе ектенья псковского распева.[1]

Вообще о церковном пении надо сказать: если пение начинает заслонять своей вычурной театральностью молитву — оно не годится для церкви. Очень жаль, что многие церковные регенты чуждаются истинно молитвенных симоновских, софрониевских, зосимовских, оптинских и других монастырских напевов.

Не подумайте, что я против всего нового в церковном пении. Наша церковь богата поистине небесными мелодиями новых композиторов, но эти мелодии должны исполняться с особым духовным проникновением и очень хорошими хорами. Есть впечатляющие произведения у регентов Рютова и Чмелева,[2] но и эти произведения — для хороших хоров.

Сказанное о пении полностью относится к церковным иконописи и живописи и вообще к цер-

---

[1] Не знаю, были ли в монастыре ноты этой ектеньи. В настоящее время она поется только в храме Донского монастыря — по памяти регента о. Иоанна. Тем не менее, звучит она очень торжественно, с каким-то отголоском патриотизма псковичей.

[2] Георгий Иванович Рютов в двадцатые годы был регентом в домовом храме бывшего Коммерческого института (теперь Институт им. Плеханова). Храм находился на ул. Зацепа. В интерьере храма сделано четыре этажа для аудиторий. Снаружи легко угадывается его прежнее назначение.

ковной службе. Если они не располагают к молитве — они не церковны.

Некоторые говорят, что чтение и возгласы в храме должны быть всегда плавны и немного нараспев. Это не так. Важно, чтобы и чтение, и возгласы были наполнены молитвенным вдохновением, а не сухой казенной обязанностью. Вот архиепископ Трифон (Туркестанов) служит «говорком», не нараспев, а молящиеся стоят, как на воздухе. Так отрывает от всего земного и возносит к Небу его служба.

В храме все должно располагать к молитве, все должно вдохновлять: от возглавляющего службу священнослужителя до последнего свещника, ставящего и снимающего свечи с подсвечников. Тогда даже свечи горят по-иному, и люди стоят, как свечи, пламенея серафимовым огнем хвалы Богу, и молитвы доходят...»

В это время к клиросу подошел Михайлов. Он был в какой-то необыкновенно мохнатой черной дохе. На ногах — сапоги. Приземистый, корена-

---

Из хора Рютова вышли солисты Большого театра Ал. Чаплыгин и Волков. В хоре Рютова зачастую солировали А.В. Нежданова и А.С. Пирогов.

Хор Чмелева, современника Рютова, пел в большом великолепном храме в честь Казанской иконы Божией Матери на Калужской (ныне Октябрьской) площади. В тридцатых годах храм был закрыт. В здании храма был кинотеатр «Авангард». В конце семидесятых годов здание храма снесено. Своей колокольней храм выходил на ул. Димитрова рядом с теперешним вестибюлем метро. На части территории, ранее занятой храмом, сейчас находится большое многоэтажное здание.

Одновременно с руководством церковными хорами Рютов и Чмелев занимались композицией и преподавали пение в средних школах.

стый и, наверно, очень сильный. Лицо у него немного чувашское, серьезное, лоб выпуклый, с небольшим шрамом справа. Густые черные волосы до плеч. Совсем небольшая, редковатая бородка. Все видели его впервые и с интересом смотрели на него... Началась спевка.

Таким запомнился мне рассказ Коли Журко.

Прошло более шестидесяти лет с тех пор, как рассказал мне это Коля, но мысли о. Симеона о церковной службе сохраняют живое значение и для наших дней.

Не так давно мне довелось видеть ноты, переписанные о. Симеоном. Меня поразил своей красотой его изящный, связный почерк. Такой почерк обычно бывает у людей, глубоко чувствующих все возвышенное и прекрасное, устремляющее нас к Небу.

Промысл Божий

В одну из весенних ночей 1908 года вдоль Серпуховки бежал по направлению к Стрелке[1] человек, одетый весьма просто: поддевка, сапоги, картуз. У Стрелки его остановил городовой:

— Откуда, куда, почему бежишь?

— Я — сторож церкви Вознесения.[2] Матушка

---

[1] Серпуховка — Серпуховская улица. Стрелка — так называли окрестные жители место, где в Серпуховку вливается Павловская ул. Это между Арсеньевским (ныне улица Павла Андреева) и 1-м Щиповским переулками. В этом месте строения между сходившимися Павловской и Серпуховской улицами сужались, образуя в плане как бы стрелу.

[2] Храм Вознесения, что за Серпуховскими воротами, находился на Серпуховке. Теперь в здании храма — какие-то учреждения.

послала меня в Павловскую больницу[1] за доктором. Батюшка о. Алексей задыхается.

— Зачем тебе бежать в Павловскую больницу? Вот рядом, в переулке, в третьем доме за аптекой, живет доктор Смирнов. Молодой, но, говорят, хороший.

— Иван! — крикнул городовой дежурившему неподалеку дворнику. — Сведи его к доктору Смирнову.

Вскоре городовой увидел сторожа и доктора, торопливо выходивших из переулка. У аптеки они взяли извозчика и помчались к храму.

Второй священник церкви Вознесения о. Алексей[2] заболел внезапно. К вечеру он почувствовал боль в горле, жар. Ночью горло распухло, и дышать стало трудно.

Матушка, отослав церковного сторожа за доктором, опустилась на колени перед кивотом с иконами и стала молиться. Во время молитвы во входную дверь квартиры позвонили. Матушка открыла дверь. Вошел незнакомый молодой человек лет двадцати шести, выше среднего роста, хорошо одетый, широкоплечий, с карими глазами, с небольшими усами и короткой эспаньолкой, очень шедшей к его приветливому взору и доброй улыбке.

---

[1] Павловская — ныне 4-я городская — больница находилась на Павловской улице.

[2] Алексей Иванович Фаворский; после кончины в 1918 году настоятеля храма протоиерея Иоанна Разумовского назначен на его место. Отец Алексей — любимый батюшка прихожан — был поистине образом кротости и трудолюбия. В годы разрухи я неоднократно видел его, смиренного, невозмутимого, с метлой и совком, убирающим мостовую и тротуар возле церковной ограды.

Это был врач Григорий Иванович Смирнов. Осмотрев больного, он коротко спросил:

— Дети есть?

— Есть.

— Большие?

— Нет, маленькие.

— Здоровы?

— Здоровы.

— Где их комната?

Матушка показала отдельную комнату, где спали дети.

— Немедленно забирайте детей и уезжайте куда-нибудь к родным или знакомым. У батюшки — дифтерит. Есть кому остаться ухаживать за батюшкой?

— С нами живет моя сестра. Сейчас спрошу ее: останется ли?

Вера Ивановна, так звали девушку, охотно согласилась остаться.

Врач прописал лекарства, дал Вере Ивановне необходимые наставления об уходе за больным и ушел...

Дифтерит у о. Алексея был в тяжелой форме. Григорий Иванович регулярно приходил к больному. Леченье, с Божьей помощью, проходило успешно, чему способствовал весьма заботливый уход Веры Ивановны, аккуратно и точно выполнявшей все указания врача...

Когда о. Алексей выздоровел, Григорий Иванович сделал предложение Вере Ивановне и попросил ее руки у ее матери (отца не было в живых). Согласие было дано.

Осенью о. Алексей обвенчал Григория Ивановича с Верой Ивановной, и они зажили душа в душу.

Однажды в компании знакомых и друзей Григорий Иванович сказал:

— Моей превосходной свахой был дифтерит. Но, впрочем, это в шутку. Если вдуматься поглубже, то для меня и для Веры Ивановны в болезни о. Алексея я вижу Промысл Божий.

Известность Григория Ивановича Смирнова, как очень опытного врача, быстро распространялась по нашей округе. Его наперебой приглашали к больным. Вскоре он поступил ординарным врачом в Павловскую больницу, куда переехал с Верой Ивановной. Наряду с работой в больнице Григорий Иванович имел большую частную практику. Он очень любил детей, может быть потому, что у него их не было. Поэтому перешел в детское инфекционное отделение больницы, где потом стал заведующим.

Дети, чувствуя глубокую любовь к ним Григория Ивановича, не оставались в долгу и по-своему выражали свою безхитростную ответную любовь. Говорили, что, когда он утром входил в свое отделение, выздоравливающие дети, ласкаясь, буквально «облепляли» его. Каждый норовил о чем-то спросить и тут же получал ответ, нередко шутливый и всегда ласковый.

На улице Григорию Ивановичу приходилось почти все время повторять слово «здравствуйте», отвечая на приветствия прохожих — родителей его пациентов, самих пациентов, либо бывших пациентов. Зачастую его останавливали для получения тут же на улице врачебной консульта-

ции. Он иногда шутливо говорил, что для быстроты уличного передвижения ему неплохо бы иметь шапку-невидимку.

Григория Ивановича часто можно было увидеть за Богослужением в Троицком соборе Данилова монастыря. Он всегда стоял слева от настоятельского места. В монастыре доктор подружился с иеромонахом Иасоном и иеродиаконом Виталием. Он подолгу беседовал с ними, гуляя после службы по аллее монастыря. Почти всегда приносил им какие-нибудь гостинцы.

Основой дружбы высокообразованного врача с простыми, необразованными людьми — о. Иасоном и о. Виталием — являлось, видимо, сходство их характеров. Все трое были добродушными, веселого нрава и очень любили пошутить.

Однако эта веселость далека была от легкомыслия и маловерия. Несмотря на многие скорби и испытания, перенесенные о. Иасоном и о. Виталием, они всегда оставались верны Церкви, а о. Виталий, говорят, сподобился даже мученической кончины.

Ко всему, что касалось благочиния в храме, о. Иасон относился со строгой ревностью. Однажды Коля Журко мне поведал, как после службы он и его брат Миша разбаловались в алтаре. Неожиданно в алтарь вошел о. Иасон. Увидев непристойное поведение братьев, он резко и строго осадил их и дал каждому по хорошему подзатыльнику.

— Ну, теперь владыка выгонит нас и запретит нам прислуживать, — с большой тревогой добавил Коля.

Но ничего подобного не случилось. Не таков был о. Иасон. При каком-либо непорядке в храме он тут же чинил строгую расправу сам, и никогда никому не жаловался. О проступке братьев Журко о. Иасон также не сказал ни владыке Феодору, ни наместнику о. Герасиму, и Коля с Мишей продолжали выполнять свою детскую службу.

О. Иасон и о. Виталий монашествовали давно. Они запомнились мне еще со времени настоятельства архимандрита Иоакима.

Григорий Иванович по субботам и накануне больших праздников приглашал к себе, на обширную квартиру в больнице, своих друзей — о. Иасона и о. Виталия — служить всенощные для его престарелой больной тещи, никуда не выходившей из дома. Ко всенощным приходили пожилые соседи, набиралось до двадцати молящихся. Все они были очень благодарны Григорию Ивановичу за доставляемую им духовную радость. Григорий Иванович подчас шутил, что у него на квартире открыт Даниловский филиал. Так продолжалось до кончины тещи.

Вскоре после Великой Отечественной войны скончалась Вера Ивановна, и Григорий Иванович остался бобылем. Одиночество не опустило его. Каждый день, в одно и то же время, он, подтянутый, прямой, хорошо и опрятно одетый, шел с сумкой в магазины; приветливо здоровался со знакомыми и, несмотря на свою занятость на работе и по самообслуживанию, находил время помочь каждому, кто обращался к нему с просьбой по лечебным нуждам. Это был подлинно народный врач.

Как-то летом, году в 1955, я встретил Григория Ивановича на улице. Разговорились. Я спросил, как он себя чувствует.

— Сейчас — слава Богу, но скоро наступит трудное для меня время и придет конец земной жизни. У меня рачок.

— Что вы, Григорий Иванович, по вам это не видно. Выглядите вы хорошо.

— Это — пока, но рачок у меня есть, и застарелый. Я, как врач, это хорошо знаю, все симптомы у меня налицо.

— Что-то не верится. Вы так спокойно говорите, как будто дело касается не вас, а кого-нибудь из пациентов.

— Спокойно говорю потому, что я уже прожил свою жизнь — мне за семьдесят — и прожил ее неплохо. Правда, в конце, по воле Божьей, придется помучиться, но это для очищения моих грехов, а там — вечная жизнь.

Мне не хотелось продолжать, возможно, неприятный для него разговор о его здоровье, и я сказал:

— Григорий Иванович, я давно хотел вас спросить: от чего, в основном, зависит здоровье человека?

— От душевного равновесия и спокойствия. Это скажет вам, пожалуй, любой врач. А душевное равновесие и спокойствие зависят от духовного настроя человека, от его нравственного состояния. За время моей долголетней врачебной практики мне пришлось наблюдать многих людей, и я, как врач, должен засвидетельствовать, что русскому человеку лучший духовный настрой, лучшее нравственное состояние дает Христос. Хри-

стос дисциплинирует, Христос учит подлинному самоотверженю, жизни для других, а это — основа для безконфликтной, спокойной жизни. Ведь причиной нервозности, раздражительности, конфликтов, в конце концов, является себялюбие, эгоизм, жизнь для себя. Такая жизнь не ведет к спокойствию и душевному равновесию. При такой жизни человек не может быть здоровым нравственно, а следовательно, и физически. Конечно, жизнь для других, самоотречение — это тяжелое иго и бремя для эгоиста. К такому бремени и приучает Христос. Помните святые Его слова: «Научитеся от Мене, яко *кроток* есть и *смирен* сердцем, и *обрящете покой* душам вашим. *Иго* бо Мое *благо* и *бремя* Мое *легко* есть».[1]

Мне возразят, что жить для других человек может и без Христа, все зависит от того, как он воспитан. Я на это отвечаю, опять-таки как врач, наблюдавший многих людей: воспитание без Христа ничего не дает русскому человеку. Помните, с каким сожалением восклицает Александр Блок: «Свобода, свобода — эх! эх! без Христа».[2] Без Бога русский человек зачастую неизбежно скатывается к жизни для себя со всеми ее отрицательными для нравственности последствиями. Русскому человеку нужен Бог, как воздух нужен. Это хорошо поняли наши древние предки, принявшие Православную веру.

— Григорий Иванович, я хочу вас еще спросить: отчего выздоравливает больной?

---

[1] Мф. 11, 29-30.
[2] А. Блок. Поэма «Двенадцать».

— Ваш вопрос не простой и не праздный. Отвечу на него так: больной выздоравливает от лекарства, от хирургического скальпеля, от крепости организма и от духовной силы. Известная пословица «в здоровом теле — здоровый дух» не всегда верна. Иногда оказывается, что в больном теле — здоровый дух.

В лечебной практике нередки случаи, когда безнадежный больной, приговоренный консилиумом врачей к смерти, вдруг неожиданно для этого консилиума выздоравливал. Консилиум учел действие лекарств, учел сопротивляемость организма, но не учел силу духа, которую вообще трудно, да и невозможно учесть. Это похоже на войну. Даже гениальные полководцы ошибались, когда они, думая, что победят только количеством войск и силой оружия, и не учитывая духовную силу противника, проигрывали сражения и целые войны. В истории таких примеров достаточно.

«Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя», — говорит нам Евангелие.[1] Это часто и происходит с выздоравливающим безнадежным больным.

Врач должен проникать в сокровенные тайники больного. И вот, когда начинаешь проникать в эти тайники, видя, как безнадежный больной вдруг выздоровел, неожиданно для себя узнаешь поразительные вещи. Доверительно расспрашивая больного или его близких, узнаешь, что об этом больном усердно со слезами молились, и он получил исцеление. Или узнаешь, что больного

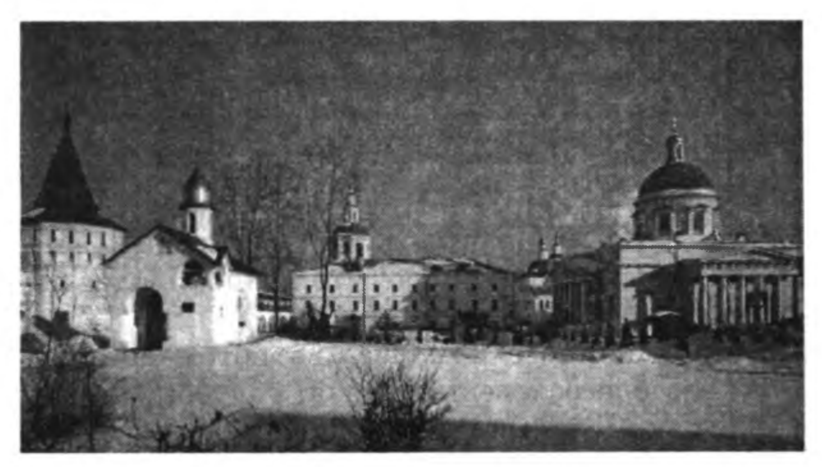
[1] Лк. 1, 35.

помазали маслом из лампады преподобного князя Даниила, и больной получил исцеление. Третьему принесли в больницу артос, и он его с верой принимал и получил исцеление. Четвертого соборовали, исповедовали и причастили Святых Христовых Таин, и он получил исцеление. Исцеления! Исцеления явные. Врачи тут не при чем. Это известно многим врачам, и поэтому верующие врачи — не редкость. Велика сила Таинства Исповеди, велика сила Причащения Святых Христовых Таин. Человеку эту тайну не постичь, он может только ощутить на себе действие этой силы. Говорят: «Мы заменим церковные обряды обрядами гражданскими». Но кто так говорит, тот не знает, что в Церкви, кроме обрядов, есть еще Святые Таинства, которые ничем не заменишь. Здесь действует Божественная Благодать. И вот эта-то Благодать «немощная врачующая и оскудевающая восполняющая» и поднимает безнадежного больного с постели...

Если мне не изменяет память, в 1957 году я узнал о кончине Григория Ивановича. Он умер от рака желудка. Только он ошибся, ожидая мучений. Говорили, что он скончался спокойно, заснув сном праведника.

Святой обычай

К северу от Святых врат монастыря, сразу же за монастырской школой и Даниловским тупиком, находилось малонаселенное место, состоявшее примерно из пятнадцати небольших домов. Здешние жители называли это место Даниловской слободкой. (Теперь от слободки не осталось

Свято-Данилов Московский монастырь.
Справа — Троицкий собор

и следа. На этом месте большой морг и неподалеку от него крупное пятиэтажное здание в современном стиле, учрежденческого типа.)

В то время, когда я учился в монастырской приходской школе, среди пожилых жителей слободки был обычай: начиная большое важное дело, идти в монастырь «благословиться у князя».

Благословляющийся приходил в храм Вселенских соборов, брал свечу по своему достатку, ставил ее у мощей князя, припадал на колени, усердно прося помощи в предстоящем деле, прикладывался к мощам и уходил, уверенный в успехе.

Как-то раз я спросил у одного старика, жителя слободки: давно ли люди ходят «благословляться у князя».

— Не знаю, касатик, — ответил мне старик, — мой дед говорил, что его прадед, когда захотел построить новую избу, а ставить-то, почитай, было некому, — он да его безусый малец-внук, —

пошел благословиться у князя. Веришь ли: вдруг приехали из Коломенского[1] два его зятя. Говорят: «Может, что помочь надо?». Прапрапрадед, — так он, верно, мне доводится, — отвечает: «Вы-то поможете, а кто же вам в деревне поможет: ведь сейчас — лето?». «Ничего, — говорят, — бабы там с садами да огородами управятся». И помогли зятья, да так споро, что прапрапрадед диву дался.

Старик немного помолчал, а потом добавил:

— Без благословения князя, голубок, нашим слободчанам пользы в большом деле не будет.

Кто знает, быть может, этот обычай, как и неофициальное название «Даниловская слободка», передававшиеся из поколения в поколение с давних пор, уходят своими корнями ко временам милостивого, добросердечного, особенного князя, дававшего здесь и в новограде московском приют всем приходившим сюда от татарского насилия и от невзгод и бед княжеских междоусобий.

А здесь была любовь, благодать и мир.

И святой князь всех благословлял, всем помогал и о всех молился.

---

[1] Село, находившееся километрах в четырех от монастыря.

Часть четвертая

У ТРОИЦЫ

Из Москвы в Сергиеву Лавру — сердце России

В раннем детстве, когда мне было три или четыре года, я раза два был в Троице-Сергиевой Лавре, куда меня возили на богомолье мои родители. Эти поездки были короткие — каждая не долее одного дня.

Во время этих посещений большое впечатление произвели на меня уют Лавры и монахи, которых я увидел впервые. Мне тогда показалось, что все монахи похожи друг на друга в своих строгих и одновременно стройных одеждах. Глубоко тронуло меня ласковое, какое-то очень доброе отношение их ко мне, и вскоре же после первой поездки я сказал маме, что хочу быть монахом. Это желание оставалось у меня довольно долго и потом, но, увы, мирская жизнь с ее соблазнами, искушениями, удовольствиями, заботами, тревогами и суетой столь закружила меня, что в монахи я не пошел. Почва для благодатного зерна, запавшего в мою детскую душу, оказалась каменистой и засоренной. Однако образ монаха всегда привлекал и привлекает меня своей святостью. И мне близка и понятна мечта А. С. Пушкина, которую он выразил в стихотворении «Монастырь на Казбеке».

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!

Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне![1]

Хорошо запомнилась в одну из этих поездок блинница под горой у монастыря, в которую мы зашли после посещения Лавры. В этой блиннице были такие замечательные блины, что я объелся.

Запомнились также, как во сне, такие эпизоды. Мы едем в пролетке в Вифанию. Погода прекрасная. Воздух чистый и легкий. На переднем скате пролетки прикреплена двумя ремнями аккуратно сложенная черная кожа. Она придает пролетке какой-то деловой вид. Я силюсь, но безрезультатно, угадать назначение этой кожи, а спросить отца стесняюсь... Какие-то монастырские ворота. Может быть, Лавры, может быть, Вифанские. Они — в лесах. Рабочие топорами отбивают штукатурку... Обратный путь в поезде в Москву. Мне хочется спать. У меня слипаются глаза. Я борюсь со сном — хочется послушать, что говорят старшие. Пытаюсь разъединить веки пальцами. Это не помогает, и я засыпаю...

После поездок оставалось нечто вещественное и приятное. Это — игрушки, покупавшиеся на ярмарке у Лавры. Они забавляли меня в течение ряда лет.

Особенно запомнилась большая, прочная коробка, в которой находились все здания, стены и башни, составлявшие макет Лавры. Игра заключалась в том, чтобы по плану, приложенному к коробке, расставить все эти здания на свои ме-

---

[1] А. С. Пушкин. Сочинения в трех томах. М., 1958, т. 1, стр. 281.

ста. Расставишь все это и любуешься красотой и стройностью Лавры. Налюбуешься и начинаешь укладывать детали макета в коробку. Это потруднее, чем расставлять макет: надо уложить так, чтобы все поместилось в коробку и можно было бы закрыть ее. С этой задачей я иногда не справлялся, и приходилось звать на помощь старших.

Помню матрешку из десяти вставлявшихся одна в другую фигурок. Платья и платки на каждой фигурке нарисованы разные, и мне было забавно, разобрав их, поставить в один ряд: мал-мала-меньше. Позже, когда я любил играть в службы храма Христа Спасителя, эти матрешки с прибавлением еще других игрушек изображали у меня священнослужителей.

Когда я играл в эти игрушки, я невольно вспоминал Лавру с ее монахами, но чаще вспоминалось житие Преподобного Сергия, которое я любил слушать в чтении моей мамы. Особенную радость мне доставляло то место жития, где говорилось о приезде к Преподобному Димитрия Донского за благословением на Куликовскую битву, описание самой битвы, рассказ о молитве Сергия во время битвы и о прозорливом перечислении Преподобным имен павших в ней. Но больше всего поражало повествование о явлении Преподобному Сергию Божией Матери и о чудном видении множества птиц, когда позвавший Преподобного среди ночной молитвы голос сказал: «Сергий! Так умножится число иноков во имя Святой Троицы, собирающихся в твою паству». Неодолимо хотелось быть в их числе.

В нашей детской комнатке на ночь ставили на стол образок явления Божией Матери Сергию и

В. Маковский. Явление Богоматери и Апостолов преп. Сергию. Эскиз росписи интерьера храма Христа Спасителя

горящую лампадку. Это делалось для того, чтобы я не боялся, если проснусь ночью. И, действительно, когда проснешься ночью и увидишь спокойно горящую лампадку, благодатно освещающую лики Божией Матери, двух апостолов, стоящего на коленях Сергия и закрывшегося от неизреченного света преподобного Михея, — не только нет никакого страха, столь свойственного детям ночью, но душа наполняется тихой радостью, и под отрывочные мысли: «Пришла... Сама Владычица... к Сергию...» — сладко вновь засыпаешь.

Неожиданное

Когда наш учитель Сергей Александрович,[1] возвратившись от настоятеля, объявил нам, с волнением ожидавшим экзаменов, что вместо экзаменов о. Иоаким благословил нас ехать помолиться Святой Троице в Лавре Сергия Преподобного, у меня как будто выросли крылья, а с сердца

[1] См. стр. 66.

упал камень. От радости хотелось прыгать. Но было и сомненье: отпустят ли меня в эту поездку? С этим сомненьем я почти бежал домой за разрешением.

Дома была мама. Когда я сказал ей о нашей поездке, мама без всякого колебания ответила:

— Конечно, поезжай. Что нужно взять с собой?

Сергей Александрович сказал, что ничего не нужно. На все хватит денег, выданных о. Иоакимом.

— Спаси его, Господи, — сказала мама, — давай скорей переодеваться во все новое.

Она мне достала свежую верхнюю и нижнюю одежду, и я быстро стал переодеваться. Странно, что при этом на всю жизнь мне запомнилась такая деталь: день был прекрасный, на соседнем доме красили крышу, и в покрашенных местах она блестела белым светом, хотя краска была зеленая.

Мама велела мне захватить с собой осеннее пальто, поцеловала и сказала:

— Ступай с Богом.

Исполненный радости, я пошел в школу и прибыл туда во время. Все отъезжающие уже стояли парами. Я встал на свое место с Максимовым, и мы отправились в путь.

В пути

Мы в вестибюле Ярославского вокзала. Сергей Александрович велел нам остаться с учеником выпускного третьего класса Терентьевым, никуда не уходить и ждать его здесь, а сам, взяв с собой третьеклассников Глебова и Траутца, ушел за

покупками съестного. Надо сказать несколько слов о Траутце. Он был не русский. Тем не менее, отношение к нему как со стороны Сергея Александровича, так и со стороны учеников ничем не отличалось от отношения к русским. Он был худой и длинный, удивительно напоминавший страуса. Из-за этого сходства и по созвучию его фамилии мы называли его в шутку «Страусом», но в этом не было ничего обидного для него, как не было обидным для Бычкова прозвище «Бычок», а для меня — прозвище «Макарка». Таков уж ребячий обычай — давать всем прозвища. Кстати о Бычкове. Это был единственный из учеников нашей школы, которого я встречал до 1932 года. Он был небольшого роста, очень рябой и сиповатый. Прислуживал в приходском храме Воскресения Словущего, что рядом с монастырем. После закрытия этого храма Бычкова я больше не видал.

В отсутствие Сергея Александровича мы с интересом стали рассматривать роспись стен вестибюля с северными пейзажами.

Но вот в дверях появились Сергей Александрович с большим лубяным коробом в руках и нагруженные какими-то свертками Глебов с Траутцем. Сергей Александрович взял на всех железнодорожные билеты, и мы направились к поезду, уже стоявшему на остекленном дебаркадере.

Когда поезд тронулся, Сергей Александрович стал нас кормить. Из лубяного короба были вынуты и розданы крутые яйца; из свертков — колбаса, сыр, сливочное масло; из пакетов — еще теплые ароматные булки. У кондуктора (так назывались тогда проводники) был куплен клюквен-

ный квас в бутылках. Не знаю как другие, а я закусил с большим аппетитом. Особенно мне понравились крутые яйца, которые я ел с булкой, запивая квасом.

Закусив, мы стали смотреть в окна. Вдали бежали седые лески, почти еще безлистые. Изгибалась, подпрыгивая то вверх, то вниз, покрытая свежей травой бирюзовая земля. Стремительно неслись назад, сбегаясь и разбегаясь, тропинки, проносились мостики. Вблизи веселым хороводом кружились березки в легком узоре распускающейся листвы. Все это, освещенное солнцем, сияло радостью, охватывавшей меня и блестевшей в светлых взорах моих товарищей. Было заметно, что и Сергей Александрович радуется вместе с нами.

Ведал ли о. Иоаким, какую радость он нам доставил?

Радонежье

Сергей Александрович приготовил нам неожиданный сюрприз. Он объявил нам, что мы выходим в Хотькове. Мы сошли направо. Бросилось в глаза деревянное здание станции с висевшим на крыльце небольшим сигнальным колоколом. Перед нами открылся приветливый вид Хотькова монастыря. Мы прошли в малый храм, где шла служба. Пели насельницы монастыря. Я впервые услышал пение монашек. Запомнились вдумчивость и доброта их лиц. Однако их пение менее трогало душу по сравнению с пением монахов.

В храме, под общей сенью, находились рядышком две раки с мощами родителей Преподобного Сергия — схимонаха Кирилла и схимонахини Марии. Сергей Александрович купил каждому из нас по небольшому образку с изображением Преподобного Сергия с кадилом, молящегося у мощей родителей. Лики их на образке с венцами святых. Дорогой этот образок я храню у себя. Такие же венцы имеются на изображениях Кирилла и Марии у святых врат Троице-Сергиевой Лавры с надписями: преподобный Кирилл, преподобная Мария. Очевидно, в то время Кирилл и Мария местно чтились как святые. Для меня было неожиданным, когда после открытия Лавры в 1946 году я услышал в Лавре поминовение их за упокой.[1]

Сергей Александрович не стал ждать окончания службы, он подвел нас к мощам Кирилла и Марии, мы приложились и вышли из храма.

Сергей Александрович провел нас через заднюю калитку монастыря, и мы направились в Радонеж. Дорога шла благоухающими весенним воздухом перелесками. Переходили по мостикам какие-то очень чистые ручейки. В одном месте нам встретился ручеек, казавшийся пересохшим, но Сергей Александрович повел нас через него мостиком. Бычков рискнул перейти оголенное дно ручейка и тут же увяз чуть не по колено. Так обманчиво оказалось это илистое дно, по виду совершенно твердое.

Солнце совсем уже было близко к горизонту, когда мы пришли в Городок — так назывался в

---

[1] В 1988 году родители Преподобного Сергия канонизированы Русской Православной Церковью.

то время Радонеж. Перед нами раскинулись обширные долины, окруженные лесами. Воздух был напоен смолистым запахом леса и росным запахом свежих трав.

Деревянный сельский храм был еще открыт, но служба в нем уже закончилась. Мы зашли в храм перекреститься и посмотреть его внутри. Меня поразил и навсегда запечатлелся в памяти лик Ангела в верхнем ряду иконостаса, освещенный лучом заходящего солнца. Казалось, что это не изображение, а видение Ангела, сходящего в вечернем свете на землю. Много лет спустя я както раз услышал стихотворение, взволновавшее удивительным совпадением с неизгладимым воспоминанием:

В сельском храме простом, убогом
Свет вечерний на лике строгом —
Ангел сходит к земле с приветом,
Весь одетый вечерним светом...
Тихо молвят леса, долины:
«Небо гаснет, но свет единый
Ждите завтра, молясь с утра вы,
Свете тихий святыя славы.
Свете тихий святыя славы».[1]

Все сразу ярко встало в памяти: и сияющий в вечернем свете Ангел; и гаснущее небо; и тихие сумеречные долины, благоухающие росным запахом трав; и Свете тихий святыя славы, освещавший тогда наши детские души.

Сергей Александрович привел нас в дом своего отца — сельского батюшки о. Александра

---

[1] Автор стихотворения А. Солодовников. — Ред.

(Скворцова). Хотя приход нашей орды был нежданным — негаданным, но он очень обрадовал и батюшку, и матушку. Они наперебой трогательно ласкали своего сынка — нашего учителя. Поднялась веселая суматоха: чем накормить, где и как положить? Матушка заботливо заменила шерстяными чулками и валенками промокшую обувь Бычкова, положив ее сушиться на теплую русскую печь. Из того, чем нас кормили, мне запомнилось вкусное парное молоко с деревенским караваем. На полу просторной комнаты нам настелили соломы, куда мы с удовольствием легли вповалку, и сверху покрыли тоже соломой. Сон был богатырский.

Утром проснулись рано. В окна радостно светило солнце. Приятно пахло сосновыми бревнами. Тихо поднялись, чтобы не обезпокоить наших дорогих хозяев и Сергея Александровича. Бычков потихоньку раздобыл свои просохшие чулки и башмаки, и мы пошли погулять.

Утро было свежее, прозрачное, чистое, умытое. На траве роса. Вокруг все сияло, все дышало необыкновенным единством. У Лермонтова есть прекрасные слова: «пустыня внемлет Богу»,[1] а тут было другое — природа *молилась* Богу:

Вторят росы, вздыхают травы:
— Свете тихий святыя славы.

И эта молитва наполняла радостью и восторгом душу. Проникновенно отразил это состояние М.В. Нестеров в картине «Видение отроку Вар-

[1] М. Ю. Лермонтов, стихотворение «Выхожу один я на дорогу», АН СССР, М.-Л., 1958, т. 1, с. 543.

фоломею». Здесь прекрасно передан радонежский колорит — именно такой, какой он предстал перед нами на нашей утренней прогулке, с той лишь разницей, что у Нестерова — осень, а у нас была весна. На картине все полно молитвы, все пронизано радостью молитвы и единения с Богом: и явившийся Варфоломею старец; и отрок Варфоломей; и недалекая церковка — так нужная русскому человеку и русскому пейзажу; и долина с речкой; и благоуханье леса; и даже молодая сосенка у ног Варфоломея. Это воистину *Радонеж* — радостный и нежный райский отблеск на земле; уголок, уготованный Святой Троицей для возрастания великого русского светильника — Преподобного Сергия...

Мы побежали к речке. На противоположном берегу мужик, запрягая, бранился на лошадь, бранился голосом любящим. В недалеком лесу задумчиво и звонко куковала кукушка. Ребята наперебой стали кричать: «Кукушка, кукушка, сколько мне лет?». Хотя кукушка замолкала, видно, прислушиваясь к вопросам, но она была плохая отгадчица: ответы получались самые неправильные. Ребята весело смеялись ошибкам кукушки. Видя это, я не стал затруднять ее своим вопросом.

Радостные, немного промочившие ноги по росе, мы вернулись назад. На крыльце нас встретила матушка. Мы пожелали ей доброго утра.

— Бегали погулять? — добродушно спросила она и тут же добавила, — самовар на столе, идите завтракать.

За завтраком Сергей Александрович сказал, что мы сейчас отправимся пешком в Лавру. До

Лавры примерно двенадцать верст. У крыльца нас ждала телега, на которую иногда в пути садились отдохнуть те из нас, кто уставал. Дорога шла с горы на гору. Но это были какие-то странные горы. Видишь, что дорога пойдет под гору, а потом — на крутую гору. Когда идешь, вроде и горы никакой нет, и лишь когда подымешься и оглянешься назад, видишь: вон на какой крутой горе мы были. По правой и левой стороне от дороги расстилалась трава с множеством весенних цветов. Особенно много было желтеньких цветов с блестящей внутри чашечкой. Кто-то из ребят сказал, что эти цветы рвать нельзя — это «куриная слепота».

В Лавре

Вот вдали показалась верхушка лаврской колокольни, а через некоторое время, как на воздухе, — вся Лавра. Донесся торжественный звон. Мы невольно остановились и перекрестились. Но до Лавры было еще далеко, и мы подошли к гостиницам Лавры довольно-таки уставшими.

Сергей Александрович занял для нас в гостинице Лавры несколько номеров. После обеда и небольшого отдыха Сергей Александрович повел нас в Троицкий собор к мощам Преподобного Сергия.

Здесь все было исполнено мира и доброты. С безграничной любовью смотрели лики на иконе Святой Троицы, и хотя вся икона была закрыта дорогим окладом, а открыты только лики, но их вид глубоко проникал в душу и притягивал к себе.

Все существо наполняло чувство живой близости Преподобного: вот сейчас подойдем под его благословение, и он тепло приласкает и благословит. И еще было какое-то ощущение, тогда для меня не ясное, понятое мною позже. Это чувство неизъяснимой раскрытости души, когда стоишь у мощей Преподобного.

Преп. Сергий Игумен Радонежский

О чем я молился у мощей?

Ни о чем.

Я был полон отрадой присутствия в этом святом месте. Как говорят, «не чувствовал под собою ног». Только и хотелось, что повторять слова акафиста, читавшегося в это время: «Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче».

Из этого благодатного состояния я вышел, увидав у подсвечника перед мощами Сергея Александровича, ставящего за каждого из нас по свече и особую свечу — за о. Иоакима. Мое внимание привлек целый костер свечей, горящих на этом большом подсвечнике, и особенно — огромная восковая свеча в центре подсвечника. «Как же ее ставят? — подумал я. — Наверно, вдвоем».

Мой взор упал на пробоину от польского ядра в железных дверях собора, рядом с мощами. Об этой пробоине говорил нам Сергей Александрович, когда рассказывал про осаду монастыря. Глядя на пробоину, я подумал: вот хорошая отметина на память о заступничестве Преподобного Сергия. Шестнадцатимесячная осада кончилась тем, что, потеряв больше половины своего многочисленного войска, в шесть раз превышавшего силы защитников монастыря, поляки бежали.

От пробоины мой взор возвратился к раке и к большой иконе у мощей — Явление Божией Матери Преподобному. Вспомнилось недалекое раннее детство, когда я, просыпаясь ночью, видел на столе образок этого Явления с горящей перед ним лампадкой. И я вновь почувствовал ту теплоту и доброту, которую ощутил, подойдя к кресту после обедни в Сергиев день — первый день посещения Даниловской школы. С этим ощущением я приложился к мощам Преподобного и вышел из собора.

Не помню, куда мы пошли после посещения Троицкого собора, но если не ошибаюсь, — в ризницу, где монах показал Св. Чашу времен Преподобного. Мы с трепетным благоговением смотрели на эту простую деревянную Чашу, из которой во время совершения Евхаристии Преподобным и при его причащении исходил огонь.

Здесь же нам была показана ветхая, кое-где просéтившаяся, крашеная фелонь Преподобного. Монах рассказал нам один эпизод из истории Лавры, связанный с этой фелонью. Передаю этот рассказ, как он мне теперь вспоминается.

Как-то раз Лавру посетил Николай I. Царя встречали перед Святыми воротами Лавры старшие из братии во главе с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Все были в драгоценных серебряных облачениях, а митрополит — в этой ветхой фелони и притом без омофора и митры. По лицу царя пробежала тень гневного недовольства, когда он увидел митрополита в таком облачении. Митрополит обратился к Николаю:

Свт. Филарет Митрополит Московский

— Государь, ты привык видеть меня в пышных облачениях, а сегодня я — в этой бедной ризе. Да не омрачается твое сердце. Эта риза безценнее всех драгоценных облачений Лавры. В этой ризе совершал Божественные службы великий безсребреник земли Русской — Преподобный Сергий, предпочтивший по своему смирению сан игумена митрополичьему сану и эту бедную ризу — богатым облачениям митрополита.

Да предстанет пред тобою при виде этой фелони светлый облик основателя сей обители и да

пребудет на тебе по его святым молитвам Божие благословение.

Николай остался очень доволен посещением Лавры и щедро одарил ее.

Осмотреть всю ризницу мы не смогли. Загудел, заглушая все, большой колокол Лавры,[1] и монах сказал, что пора ко всенощной.

Могучий, всенаполняющий звон! Хотелось слушать его без конца![2]

Сергей Александрович повел нас в Гефсиманский скит, находившийся рядом с Лаврой, за ее стеной. Здесь было много цветов и по-райски красиво. Мы отстояли всенощную в храме скита. Служба для нас была привычная — так же служили в нашем монастыре, — и поэтому особого, нового впечатления от нее не осталось, за исключением того, что, когда мы прикладывались к Черниговской иконе Божией Матери и образу святителя Николая, нам дали по довольно большому кусочку освященного хлеба, пропитанного вином и елеем. В нашем монастыре такого обычая не было.

В скиту Сергей Александрович купил образки Черниговской иконы Божией Матери, розданные нам по возвращении в Москву.

Мы пришли в гостиницу, когда почти совсем стемнело. Я устал, и мне нездоровилось. Видно,

---

[1] Колокол был равен большому кремлевскому — 4000 пудов. Теперь его нет.

[2] В 1931 году я был на экскурсии в Савво-Сторожевском монастыре в Звенигороде. Экскурсовод сказал нам, что в 1812 году, когда французы были в монастыре, они целыми днями звонили в знаменитый монастырский колокол (2000 пудов). Вполне понятное наслаждение!

это был результат утренней прогулки по росе: тогда я изрядно промочил ноги. О своем самочувствии я ничего не сказал Сергею Александровичу. И сделал правильно. Ночью я спал как убитый, а когда проснулся, солнце светило вовсю, и ребята смеялись моему положению на койке: я лежал головой к ногам, а ноги мои были на подушке. Мне стало и досадно, и смешно... От моей вчерашней хворобы не осталось и следа. Мы быстро привели себя в порядок и отправились в Лавру к обедне. Не припоминаю, где мы были у обедни. Помню, что после обедни мы зашли в Успенский собор. Здесь народу было очень мало. Шла уборка и украшение собора к Троице. Меня радостно взволновало и всегда волнует, когда я там бываю, торжественное великолепие этого собора.

Запечатлелось в памяти: один из послушников, подметавших пол, уронил щетку. Ручка щетки ударилась о пол, и тут звонкое эхо раздалось по храму. Такова акустика этого изумительного храма. Один из наших старшеклассников прочел тропарь Успению Божией Матери и святителю Николаю, и мы приложились к иконам Успения и Святителя.

На обратном пути

Из собора мы пошли на ярмарку, раскинувшуюся на обширной площади у ворот Лавры. Здесь все кишело народом, все двигалось. Только не слышно веселых прибауток и шуток торговцев, как это обычно бывало на Вербном базаре в Москве на Красной площади. Здесь другое

дело — место святое — шутки и прибаутки непристойны.

Но ярмарка есть ярмарка. И эта ярмарка была цветистая, яркая, разухабистая, русская.[1]

Сергей Александрович купил на ярмарке деревянное круглое блюдо с вырезанной церковно-славянской вязью надписью, содержание которой я не помню. На этом блюде по возвращении в Москву мы поднесли о. Иоакиму большую просфору, вынутую в Лавре за здравие нашего архимандрита.

Когда мы выходили на ярмарку из ворот Лавры, я буквально разинул рот от удивления. К воротам подъехала пролетка, с которой сошел русский богатырь протодиакон о. Константин Розов. При этом пролетка облегченно подпрыгнула кверху. Легко ступая, немного вразвалку, Розов пошел в Лавру. Хотя день был погожий и даже жаркий, на левой руке у Розова была перекинута пушистая шуба.

Когда я дома рассказал маме об этой встрече и о шубе, мама ответила:

— Вполне понятно: о. Константин придерживается старого русского правила: «До дня Святаго Духа — не снимай кожуха».

Наскоро пообедав, мы отправились пешком в Вифанию.

---

[1] У Кустодиева есть портрет Ф. И. Шаляпина на фоне троицкой ярмарки. Федор Иванович в богатой шубе, бобровой шапке, модных ботинках. Быть может, одежда на портрете нужна для художественного контраста, но, кажется, была бы созвучней и с натурой Шаляпина, и с ярмаркой другая одежда: поддевка нараспашку, картуз, сапоги.

Я узнавал обсаженную деревьями дорогу, по которой четыре года назад ехал со своими родителями. По бокам дороги — канавы, и за ними — дорожки для пешеходов.

Мы пришли в Вифанию, когда службы в монастыре не было, но монастырский храм был открыт. В очень светлом храме возвышается гора, которую называют Фаворской. На горе Царские врата с нежно-красной завесой. Это алтарь во имя Преображения Господня. Внизу, в пещере, церковь четверодневного Лазаря. Здесь хранился гроб, в котором был похоронен Преподобный Сергий после его кончины.

Казалось бы, пещера-гроб праведного Лазаря, гроб Преподобного Сергия должны напоминать о смерти. Но, наоборот, здесь яркое ощущение жизни. Радостное, полное света Преображение, воскрешение Лазаря, прославление Сергия и благодатная его помощь на протяжении веков всем, притекающим к нему с верою, наконец, этот свободный гроб Сергия — гроб, от которого многие получали исцеление, — все это было полно жизни и свидетельствовало о безсмертии.

Вспоминая этот храм, так и хочется сейчас вместе с пророком, апостолом и святителем воскликнуть: «Где твое, смерте, жало? Где твоя, аде, победа?».

Сергей Александрович велел кому-то из старшеклассников прочесть тропарь Преображению Господню, а затем мы все вместе пропели тропарь Входу Господню в Иерусалим. Приложившись к иконам и к гробу Сергия, мы вышли из храма.

Сергей Александрович купил для нас в монастыре книги Евангелия и деревянные сувениры.

Книги Евангелия были вручены каждому из нас о. Иоакимом при нашем посещении его после паломничества. На полученном мною Евангелии дарственная надпись Сергея Александровича:

«Ученику Московской Даниловской монастырской школы Михаилу Макарову I-го отделения в благословение от попечителя и заведующего школой о. Архимандрита Иоакима на память о паломничестве в Троице-Сергиеву Лавру 7-9 мая 1915 года». Само собой разумеется, что дата указана по старому стилю, применявшемуся тогда в России.

Из сувениров мне досталась белая ложка с выжженным на ней изображением трехглавой церковки и надписью: «На память из Спасо-Вифанского монастыря». Ручка ложки вырезана в форме рыбки. Когда я писал первую часть очерков, я считал эту ложку потерянной, но, как выяснилось недавно, она любовно сохранена моим братом.

Из Вифании мы отправились на станцию и, порядком уставшие, но получившие вместо травмирующих экзаменов незабываемую духовную зарядку, возвратились в Москву.

Мне запомнилось наше посещение о. Архимандрита по возвращении в Москву. Был Троицын день. Мы были у Литургии в Троицком соборе. Служили два архиерея, их имен не помню. После Литургии мы направились с Сергеем Александровичем к о. Архимандриту. Он жил в красивом настоятельском двухэтажном особняке, находившемся против главных ворот, между Троицким собором и храмом Вселенских соборов. На

фронтоне дома была надпись: 1821 (очевидно, год постройки дома).

Мы поднялись на второй этаж по парадной лестнице. Нас ввели в большой зал. В центре сине-голубого потолка с золотыми звездами был изображен Господь Вседержитель, окруженный радугой.

Видимо, мы пришли не совсем вовремя: у о. Архимандрита были гости — отслуживший Литургию архиерей. Тем не менее, он тут же к нам вышел, очень приветливый и радостный. Мы поднесли ему на красивом деревянном блюде, купленном у Троицы, большую просфору и поблагодарили за нашу поездку. Он поцеловал и благословил каждого из нас и пожелал нам хорошо отдохнуть летом.

Альма матер

Через несколько дней у мощей св. князя Даниила был отслужен благодарственный молебен. Возвратившись после молебна в школу, мы получили «увольнительные свидетельства» с отметками об успеваемости и с красивой собственноручной подписью о. Архимандрита, и были распущены на летние каникулы. Это свидетельство у меня хранится до сих пор.

Возвратившись в школу после каникул, мы узнали, что Сергей Александрович тоже мобилизован в армию и что занятий в школе за отсутствием учителя пока нет. Это нас всех очень огорчило.

Чтобы не терять времени, я начал понемногу готовиться к вступительным экзаменам в гимназию, куда и был принят в августе 1916 года.

Хотя я пробыл в монастырской школе менее одного учебного года, эта школа оставила в моей жизни глубокий след.

Теперь, оглядываясь назад, я твердо убежден, что попал туда не случайно, но влекомый Промыслом Божиим, по молитвам Преподобного Сергия и князя Даниила. И попал для того, чтобы получить, пусть и короткое, но неизгладимое воспитание.

Эта школа была для меня настоящей альма матер, живительные соки которой питают мою душу до сих пор...

Она воспитывала в нас *человека*. Причем это делалось незаметно, неназойливо, без надоедливых, нудных и скучных речей.

Прежде всего достигалось зрением, слушанием и переживанием полных небесной красоты монастырских служб. Они роняли на нас отблеск неизреченного фаворского света, благодатно освещавшего и согревавшего наши детские души.

Это достигалось примером наших воспитателей и монахов и их добротой, окружавшей нас.

Все в этой школе было изумительно просто, мы чувствовали себя здесь как в родном доме. Все шло как-то само собой, легко, без окриков и наказаний.

Я учился в этой школе с необыкновенным воодушевлением, с восторгом! Такого высокого настроя в учении у меня никогда больше не было. Я всегда буду благодарить Господа и моего покровителя святого князя Даниила за дарование мне великой милости — учения в этой школе.

Предо мной репродукция с иконы Живоначальной Троицы преподобного Андрея Рублева.

Какая благодатная икона! Какое поистине небесное вдохновение наполняло преподобного, когда писал он ее!

Бог есть любовь. И отблеск божественной, безграничной любви лежит на этой иконе. Святая Троица дала жизнь человеку, и все на Земле — для человека. Святая Троица дала Свое Слово человеку, чтобы он жил по этому Слову. Святая Троица дает самое драгоценное — Духа Святаго всем, кто следует Слову Святой Троицы. Это — неизреченная гармония любви, наполнявшая жизнь Преподобного Сергия и всего сонма святых.

Каждый раз, когда я грешу, надо мной совершается неотвратимый закон: во мне теряется чувство этой гармонии, я выпадаю из нее, во мне ослабевает любовь, и я становлюсь гадким.

Какое счастье, какое это чудо — быть со Святой Троицей!

Быть может, хотя бы и в малой мере, я испытал это счастье во время нашего паломничества в обитель Святой Троицы.

Я радуюсь светлому для меня совпадению: начал учиться в монастырской школе в Сергиев день и кончил мой первый учебный год у мощей Преподобного Сергия в *Троицком* соборе. В Троицком же соборе Данилова монастыря часто молились мы, учась в школе.

Это воспоминание согревает мою старость.

Любовь Святой Троицы простирается до того, что, несмотря на наше нежелание быть с Нею, Она не забывает нас. Вот явное свидетельство тому: после многолетнего запустения и разорения вновь сияет Лавра Святой Троицы, а мощи Преподобного Сергия находятся на своем прежнем месте. И еще новое, радостное свидетельство: на *Троицком* соборе в родном Даниловом монастыре снова воссиял Крест Господень.

У нас все есть, но для полноты нашей жизни нам не хватает одного: *благочестия.*

Какая это огромная сила — *благочестие!* И как много теряем мы, не имея его!

Пресвятая Троица, не отверзи нас от Лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от нас!

На все воля Божия

В малом храме Донского монастыря есть икона святого благоверного князя Даниила Московского. Икона перенесена сюда из часовни Данилова монастыря, находившейся в самом начале Большой Тульской улицы. Были неоднократные случаи исцелений, получаемых верующими, притекавшими к этой иконе в болезни с горячей молитвой угоднику Божию о помощи. Икона эта особо чтится, и уже давно в храме был заведен обычай: после всенощных петь тропарь святому князю Даниилу.

Лет пятнадцать назад после пения тропаря к регенту хора о. Иоанну подошла какая-то женщина и с раздражением сказала:

— Что вы поете чепуху: «Лучами света твоего озаряя обитель твою», — когда обители давно уже нет.

Я не разобрал начала ответа о. Иоанна, лишь отчетливо услышал заключительные его слова:

— На все воля Божия.

Данилов монастырь – колыбель Русского Государства

И вот совершилось чудо. Неожиданное. По молитвам святого Даниила вновь возродилась из запустения его обитель. Сбылись вещие слова кондака святому: «*Никако же забывая* чад твоих, но милостивно *посещая* и глаголя им: *аз есмь с вами*, и никтоже на вы».

Литургия на Соборной площади Даниловского монастыря в день празднования 1000-летия Крещения Руси

Для нас, верующих москвичей, это не просто событие — это знамение. Знамение того, что святой Даниил не забыл свою родную Москву, вновь посетил ее, молится за нее, и мы верим, что по его молитвам Бог сохранит от гибели этот наш дорогой, родимый град: «никтоже на вы». Залог и знак этому — возродившаяся обитель.

11 сентября 1983 года, накануне дня памяти князя Даниила, мне посчастливилось быть за первой всенощной в восстанавливавшемся монастырском храме Вселенских соборов. В храме были голые стены, на полу — строительные отходы. В Даниловском (он же Касьяновский) приделе было несколько прибрано, на полу настланы большие фанерные щиты, поставлен аналой с иконой святого и перед ним — подсвечник с немногими свечами. Две свечи прилеплены к стене арки, в которой когда-то лежали мощи князя. Свет свечей скудно освещал лишь место в приделе, где шла всенощная. В остальном большом пространстве храма — мрак. Все напоминало катакомбы первых веков христианства.

Пели человек шесть братии восстанавливавшегося монастыря. Монашеское пение отдавалось слабым эхом в дальних, покрытых мраком углах храма. Прислушавшись к эху, я заметил, что оно звучит как бы большим хором красивых высоких голосов.

Ярко вспомнилось одно из моих посещений этого храма в 1919 году. Была осень. Будни. Шла всенощная. Молящихся очень мало — человек двадцать. Пели пять или шесть монахов. И точно так же отдавалось в дальних углах большим хором красивых голосов эхо. Безхитростное дет-

ское чувство подсказало мне тогда: это поют Ангелы и души подвизавшихся здесь праведников.

Воспоминание глубоко меня взволновало.

Отрадно было вновь услышать, как бы через призму времен, эти не изменившиеся за десятки лет голоса.

По дороге от всенощной мне вспомнились здешние торжественные службы много лет назад, и подумалось: это моя духовная колыбель.

Да разве только моя?

Это — колыбель Москвы. Отсюда, из первого московского монастыря, вознеслись первые монашеские молитвы о сем граде. Молитвы услышал Господь: град рос, возвышался и стал центром Русского Государства. Поэтому обитель Даниилова — не только колыбель Москвы, но и колыбель России, и наша общая святая колыбель.

Свято-Даниловский монастырь

И вот она к тысячелетию христианства на Руси снова возвратилась «на круги своя».

Нет, не на своя круги, как лишь обитель московская, а, по Промыслу Божию, на более высокие — как центр русского православия.

Бог по молитвам Даниила не забыл нас, нерадивых и безконечно грешных.

Вспомнилась картина на стене в монастырских воротах. Архистратиг Михаил ограждает могилу пророка Моисея от диавола. Адски злой, жаждущий все испепелить, взор диавола безсилен перед спокойным светлым взором Архистратига, останавливающего своим мечом диавола. В детстве мне казалось, что Архистратиг охраняет ворота и святую обитель.

Вот так же, думалось мне теперь, меч Архистратига остановит гибель дорогой Москвы от диавольской злобы нашего времени. Только нужно непрестанно благодарить Господа за то, что Он нас еще не забыл, и усердно молить Его о спасении.

Живое впечатление от всенощной и нахлынувших дум вылилось в стихотворение.

В ОБИТЕЛИ ДАНИИЛОВОЙ

Здесь колыбель Москвы, здесь колыбель России,
Здесь наша общая святая колыбель!
(Как древле, вскоре после Кия,
В Почайне для Руси соделалась купель).
Бог нас наказывал за наше нераденье,
И эта колыбель пришла в разор;

И прекратилось здесь молитвенное бденье;
И пал на наши головы позор.

Но... сколь велѝко Божие терпенье!
Я снова здесь за службой был.
И снова слышал ангельское пенье,
И знаю: Бог нас не забыл!
Я верю: по молитвам Даниила
Бог сохранит его великий град;
И меч Архистратига Михаила
Здесь остановит ужас, смерть и ад.

Теперь здесь у нас благодатное историческое место для молитвы о нашей Москве; о нашей Родине, ее народе и вождях; о мире; о всех и за вся.

Я был счастлив, когда увидел Святейшего Патриарха Пимена, прибывшего сюда первый раз для краткой молитвы и поклонения святому Даниилу. Радостно поражало промыслительное совпадение: будущий Патриарх в своей юности бывал и молился здесь, и здесь же будет его патриаршая резиденция.

В восторге от посещения Святейшим Патриархом восстанавливающегося родного монастыря, родилось стихотворение:

О ВСЕХ И ЗА ВСЯ

Приди, Святейший Патриарх!
Приди, великий иерарх!
Приди сюда, под кров святыни,
Тебя призвавшей с юных лет,

И сохраняющей доныне
От смертоносных зол и бед.

Приди к святому Даниилу,
Тебе помощнику столь раз;
Облобызай его могилу
И помолися за всех нас.

И помолися вместе с нами
О нашей Родине святой:
Да не нарушится врагами
Ее зиждительный покой.

Да будет радостен и дивен
Тысячелетья веры пир!
Да дарует Господь Всесилен
Нам благодать, любовь и мир.

Еще помолимся усердно,
Чтоб неотступно с нами был
Благий, преславный, милосердый
И преподобный Даниил.

Два урока

На Большой Серпуховской улице, в доме № 31 ныне находится клуб парфюмерной фабрики «Новая заря». До революции же здесь был домовый храм Ляпинской богадельни, располагавшийся на обширной территории этого и соседних домов.

Храм был освящен в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Храм этот, как и другие храмы богаделен на Большой Серпуховской улице, многолюдно посещался не только призреваемыми в богадельнях, но и жителями прилегающей местности.

По своим службам храм мало чем отличался от соседних храмов. Но вот в начале 1917 года в храме появился новый староста — владелец маслобойного завода Грачев. Грачев не жалел средств на благолепие храма. Он пригласил сюда известную губонинскую капеллу. Нередко приглашал таких прославленных солисток, как А. В. Нежданова и Е. А. Степанова. Вместо маленькой колокольни храма Грачев задумал построить новую двухъярусную колокольню, архитектурный проект которой был выставлен у свечного ящика для общего обозрения. На новую колокольню Грачев приобрел колокол в 220 или 250 пудов (вес точно не помню).

Чтобы использовать колокол до постройки колокольни, была сооружена специальная деревянная звонница. Мне довелось видеть, как строилась звонница, как освящался колокол, как водружался он на звонницу. Доводилось мне и звонить в этот колокол.[1]

Довольно часто Грачев приглашал в храм для служения архиереев. Большей частью это были архиереи, прибывшие в Москву на Всероссийский Поместный Собор. Архиерейские облачения для служб брались в Даниловом монастыре, откуда приглашались и иподиаконы. Зная меня, иподиаконы предлагали мне держать архиерейский посох за службами, что я выполнял с большой радостью. Я даже стал в этом храме как бы постоянным посошником для архиерейских служб.

---

[1] С уходом Грачева постройка новой колокольни не была осуществлена.

Когда объявлялась архиерейская служба, я уверенно шел перед ее началом в алтарь, где получал благословение на стихарь, подготовлял посох, раскладывал в нужных местах орлецы, выходил с посохом встречать архиерея и держал посох в продолжение всей службы, которая меня никогда не утомляла, а, наоборот, всегда умиляла и радовала.

Однако, на этом поприще меня ждали испытания, преподавшие мне важные жизненные уроки.

В одно из великопостных воскресений 1918 года в этот храм был приглашен служить вечерню митрополит Сергий (Страгородский) — будущий Патриарх (тогда он был, если мне не изменяет память, митрополитом Владимирским). Я, как всегда, держал посох.

После вечерни, когда в числе других я подошел в алтаре под благословение, митрополит ласково погладил меня по голове, с большой добротой посмотрел на меня из-за очков и дал денежную ассигнацию, не помню какого, но не малого достоинства. Я радостно поблагодарил митрополита и с хорошим настроением пошел домой.

Веселый и с некоторым даже хвастовством я показал деньги отцу, сказал, что мне их дал митрополит.

Отец серьезно посмотрел на меня:

— Запомни раз навсегда. Когда будешь работать и получать жалованье, никогда не бери денег у Церкви, у церковно- и священнослужителей. Мы должны всячески помогать Церкви, а не брать у нее. Другое дело, если будешь служить только в Церкви — тогда получай от нее, что тебе назначено. — Отец помолчал немного и про-

должал, — сейчас я содержу тебя, даю тебе все необходимое, что могу. Ты живешь на мое жалованье. И ты не должен брать денег с Церкви за то, что ты там прислуживаешь, тем более, что это прислуживание доставляет тебе радость.

Ты должен был благодарить митрополита за его доброту, а денег не брать, сказав, что ты обеспечен, что прислуживание тебе нравится и что ты делаешь это не из-за денег, а во славу Божию.

Теперь ты должен возвратить эти деньги Церкви. Опусти их в церковную кружку.

В ближайшее посещение храма я опустил в церковную копилку митрополичий подарок.

Это был для меня один из первых жизненных уроков; первый и последний «заработок» в Церкви.

Наказ отца о церковных деньгах я неукоснительно и строго выполняю.

* * *

Как-то в мае 1918 года в этом же храме должен был служить Патриарх Тихон. Радостный пришел я пораньше в алтарь, чтобы подготовиться держать посох у Патриарха. Но каково же было мое удивление, когда в алтаре я увидел незнакомых иподиаконов. Мне сказали, чтобы я не беспокоился, и указали на мальчика постарше меня, который будет держать посох у Патриарха. Обида, досада и уязвленное самолюбие охватили меня. Больше всего меня угнетало сознание, что я недостоин держать посох у Патриарха.

Подавленное настроение отравило мне эту патриаршую службу. Правда, я вспомнил, что этот мальчик всегда держал посох у Патриарха Тихо-

на, даже когда он был еще Московским митрополитом. Это меня несколько успокоило, но все же на душе остался неприятный осадок.

Вскоре, читая Евангелие, я обратил особое внимание на следующие слова:

«Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место».[1]

Евангельские слова ярко напомнили мне недавний эпизод с патриаршим посохом. «Если *званый* был устыжен, когда полез не на свое место, — подумал я, — то как же должен быть устыжен я, если меня *вообще никто не звал?»*. Неприятный случай с посохом — урок для меня. Урок — на всю жизнь. Из этого урока я сделал вывод: «Не лезь туда, куда тебя не зовут, иначе, кроме огорчения, ничего не получишь». И еще раз перечитал евангельские слова: «Всякий возвышающий сам себя унижен будет».[2]

Неприятный осадок от случая с посохом тут же превратился в осознание моей греховности и виновности. Поделом мне. С тех пор я не огорчался, когда мое желание прислуживать, читать или петь в храмах не исполнялось.

Пес я буду...

Я был безработным в 1926 году, когда в полном расцвете был НЭП.

---

[1] Лк. 14, 8-9.
[2] Лк. 14, 11.

Мне запомнилась одна карикатура в тогдашней газете «Вечерняя Москва» или в газете «Гудок». Изображен был памятник Минину и Пожарскому, кругом дым. Под карикатурой помещен следующий диалог:

Пожарский:
— Опять в дыму весь горизонт,
Уж не враги ль добычу шарят?
Минин:
— Нет, князь, в Москве идет ремонт,
Асфальт в котлах больших то варят.
Пожарский:
— А кто подрядчик у них тут,
с рабочим возится народом?
Минин:
— Вишь, НЭПом, князь, его зовут,
из басурман, наверно, родом.

Карикатура запомнилась, как ярко отражавшая начало восстановления городского хозяйства Москвы после разрухи. Промышленность и торговля быстро возрождались и расширялись. Но безработица была большая, осложнявшаяся приливом в Москву населения из деревни и других городов.

Полки в магазинах буквально ломились от изобилия всевозможных промтоваров и продуктов высокого качества, без каких-либо примесей. На рынках и огромных базарах тоже полно было всякой всячины по магазинным и даже более низким ценам.

Было очень тяжело сознавать, что люди специальностей, сходных с моею, находясь на работе, пользуются всем этим, а я только хожу и

смотрю на это изобилие. Я мог купить лишь самое скудное из пищевых продуктов, и то лишь благодаря тому, что получал пособие по безработице в размере пятнадцати рублей в месяц. О покупке чего-либо из промтоваров можно было только мечтать.

Мой отец получал небольшую зарплату. Это несколько облегчало мое положение, но до невыносимости переживалось, что я, двадцатилетний парень, который должен был помогать отцу, сижу на его шее и осложняю жизнь семьи.

Но, пожалуй, самым страшным для меня было ощущение отрешенности от работы, какой-то «неприкаянности», лежавшей тяжелым камнем на сердце. Дни тянулись томительно долго.

Раз в месяц я ходил отмечаться на бирже труда, но каждое такое посещение биржи лишь отягощало мое состояние: на горизонте не было никакой надежды на скорое получение работы. Наоборот, число безработных по моей специальности увеличивалось, а по другим специальностям тоже стояли большие очереди у окон биржи труда. Положение мое становилось просто кошмарным.

Было начало сентября. В подавленном состоянии я сидел однажды дома. Во входную дверь постучали. Я отворил. Передо мной стояла прямая, бодрая старуха. На голове платок, повязанный по-монашески. Лицо круглое, большие выразительные глаза с глубоко проникающим взором. Длинная одежда. В руке костыль, котомка сзади. Во всем ее облике виделась необыкновенная крепость и воля.

Старые Воскресенские ворота.
См. стр. 150

Старуха вошла в кухню, положила три поклона с крестным знамением перед иконой, поклонилась мне и сказала:

— Дай мне, молодец, испить воды.

Я почерпнул ковшом воды в кадке (водопровода тогда у нас еще не было) и подал старухе. Она опять перекрестилась и, сделав три больших глотка, возвратила мне ковш.

— Что, молодец, тяжело на сердце-то?

Я смутился, не зная, что ответить.

— Плохо без работы, — продолжала старуха, — а ты не отчаивайся, пойди к Иверской, поставь за пятачок свечку перед иконой Богоматери и помолись усердно со слезами. Пес я буду,

если Божия Матерь тебе не поможет. Даст Она тебе работу.

С этими словами старуха перекрестилась на икону и, сказав:

— Спаси тя Христос за корец воды, — вышла.

Я был ошеломлен и не знал, что делать, но машинально бросился за ней и спросил:

— Как ваше имя?

— Странница Пелагеюшка, — ответила она, ускоряя шаги и удаляясь.

Поняв, что разговор окончен, я стоял в раздумье.

На другой день я пошел к Иверской. Икона тогда была в часовне у Воскресенских ворот, находившихся в проезде между нынешним музеем В. И. Ленина и Историческим музеем.[1] Я сделал все, как сказала мне Пелагеюшка. И вот, поверьте мне, старику, выходя из часовни, я почувствовал, что камень упал с моего сердца. Я почувствовал легкость и уверенность в будущем.

Через несколько дней я получил повестку, приглашавшую меня на биржу труда. Теряясь в догадках, что бы значило это приглашение, я пошел на биржу. У окна, номер которого был обо-

---

[1] Если не изменяет мне память, ворота и часовня были снесены в конце двадцатых годов.

В часовне были две иконы Иверских. Одна икона — большая, помещавшаяся прямо против входа в часовню, находится теперь, кажется, в Третьяковской галерее. Другая — копия, поменьше размером, перенесена при закрытии часовни в храм Воскресения Христова, что в Сокольниках, где и находится доныне. — Авт.

Ныне и ворота, и часовня восстановлены. В часовне новый список иконы Иверской Божией Матери, привезенный с Афона. — Ред.

значен в повестке, никого не было. Я подал повестку.

— Если хотите поехать в дом отдыха, — сказали мне из окна, — безплатную путевку мы Вам сейчас выпишем.

Я, конечно, согласился. Мне тут же вручили пятнадцатидневную путевку в дом отдыха им. М. И. Калинина, который находился в четырех километрах от станции Тарасовка Ярославской железной дороги.

После весьма скромного домашнего питания роскошное четырехразовое питание и четкий распорядок дня в доме отдыха показались мне раем. После пятнадцати дней отдыха я почувствовал себя чрезвычайно окрепшим и бодрым.

По возвращении из дома отдыха меня ждал неожиданный и радостный сюрприз. К нам пришла наша хорошая знакомая и сказала, что на их фабрике освобождается место по моей специальности. Человека призвали в армию.

— Я уже говорила с директором, — добавила знакомая, — обрисовала ваше материальное положение, и он дал согласие сделать персональный запрос на биржу труда с вызовом вас на работу.

Таким образом совершилось неожиданное: я поступил на работу. Знаменательно, что первый день моей работы пришелся на 14 октября — день Покрова Божией Матери. Я расценил это как знак явной помощи Царицы Небесной и мысленно поблагодарил странницу Пелагеюшку за ее добрый совет. Велико милосердие Владычицы. Она дала не только просимую работу, но и необходимый отдых перед нею.

Я установил себе за правило: когда бываю у Иверской, каждый раз благодарить Богоматерь за эту помощь и в память об этом ставить перед Ее иконой свечу.

Нельзя скрыть и другой случай помощи мне Божией Матери.

Прошло несколько лет. Мне очень понравилась одна моя сослуживица. Пришелся, видно, и я ей по душе. Мы поженились. У нас было много общих интересов, но как только заходил разговор о Боге, жена резко прекращала беседу. Она была атеисткой. Атеисткой до фанатизма. Даже запрещала произносить слово Бог. Я скорбел и молился о ее вразумлении.

Каждый раз, когда мой путь из поездок по делам службы пролегал неподалеку от храма Святой Троицы в Воротниках (теперь рядом со станцией метро «Новослободская»), я заходил в храм, вспоминал Пелагеюшку, ставил свечу перед древней Казанской иконой (в настоящее время эта икона находится на северной стене храма) и молил Владычицу о возвращении жены в Церковь Божию.

Однажды к нам приехала погостить престарелая мать моей жены. Видимо по дороге, она заразилась сыпным тифом. Ее забрали в больницу. Там к сыпному тифу добавилось воспаление легких. Положение стало тяжелым. Врач не ждал выздоровления.

Раз после посещения больницы жена пришла вся в слезах.

— Умрет моя мама, не выживет, — рыдала она.

Я осторожно рассказал ей о случае с Пелагеюшкой, добавив:

— Не отчаивайся. Пойди к Иверской, поставь свечу перед иконой, покайся в своем неверии и помолись об исцелении мамы. И как сказала мне Пелагеюшка, так и я говорю тебе: пес я буду, если Божия Матерь тебе не поможет.

— Как же я пойду, мне стыдно, я так далека от этого.

— Отбрось стыд, смело иди, кайся и молись.

Новый Афонский список Иверской иконы

Жена пошла. После она рассказывала, как при входе в храм в Сокольниках ее почти физически не пускала какая-то сила. Но, поборов это наваждение, она все-таки вошла. Долго плакала и молилась перед иконой и даже привлекла внимание священника (будущего архиепископа Сергия, ныне покойного), который, узнав от жены, о чем она так просила Богородицу, сказал: «Успокойтесь, Ваша мама выздоровеет».

Из храма жена пошла в больницу и там узнала, что маме стало лучше. С этого дня мама начала поправляться и вскоре выздоровела.

Не знаю, какое обещание дала жена, молясь перед Иверской иконой, но по выздоровлении мамы стала регулярно ходить в храм, и с тех пор она — глубоко верующий человек.

Вот так помогла нам Владычица и дала великую, объединяющую нас радость.

Радость мне — от возвращения жены в Церковь.

Радость жене — от получения того духовного богатства, которого она не имела, пребывая вне Церкви.

Величайшую радость неизменно верующей маме, с которой снялась глубокая скорбь по поводу упорного атеизма дочери.

Эта радость распространилась также и на мою маму, желавшую видеть в моей жене верующего человека.

Кто-то, может быть, скажет: «Это случайные совпадения».

Но свидетельствую неложно, что моя жизнь — сплошная цепочка из подобных «совпадений». Перечисление и анализ их займет много времени. Поэтому я хочу обратить ваше внимание на следующее.

Если мне скажут: «Пойди к такому-то человеку, попроси его о помощи в твоем деле. Он тебе поможет». Когда в действительности так получится — вряд ли мы увидим в этом какое-то совпадение. Мы просто скажем: «Совет был правильным, помощь получена».

Так почему же, когда меня посылают просить о помощи Божию Матерь, и я получаю эту помощь, — почему я в этом случае должен видеть не помощь свыше, а какое-то «совпадение»?

Не странно ли это?

Странного тут ничего нет. Просто неверие не хочет признавать помощь Божию. Неверие всегда силится объяснить факт помощи Божией чем угодно, но только не помощью Божией.

Мне сейчас вспомнился один старый анекдот, хорошо иллюстрирующий это. Архиерей спрашивает на экзамене семинариста: «Что такое чудо?». Семинарист затрудняется с ответом. Чтобы вывести семинариста из затруднительного положения, архиерей говорит:

— Вот, например, ты упал с высокой колокольни и остался невредим. Что это такое?

— Случайность, — отвечает семинарист.

— Ну, хорошо, ты во второй раз упал с колокольни и опять остался невредим. Что это?

— Счастье.

— Ты в третий раз упал с колокольни и опять невредим. Чем ты это объяснишь?

— Привычкой, — ответил семинарист.

Видно, этот семинарист не склонен был к религиозности, поэтому тоже искал любое объяснение факту, но только не чудо.

Евангелие рассказывает нам, как воскресший Христос явился своим ученикам. Они видели Его, видели язвы гвоздиные на Его руках и ногах, видели смертельную рану на Его груди, говорили с ним. И что же?

«Иные усомнились», — говорит апостол Матфей. Только этих двух слов — «иные усомни-

лись» — уже достаточно, чтобы свидетельствовать об истинности и достоверности всех Евангельских повествований, потому что эти слова раскрывают тайники человеческой души, в которых гнездится неверие, не могущее понять и принять небесное.

Вера — великий дар Божий, пятое чувство, делающее человеку понятным то, что непонятно неверующему. Вера — великое богатство.

Верьте, — и у вас в жизни будет много благодатных, радостных «совпадений».

Жизнь человеческая сложна. У человека, даже самого счастливого, бывает пора горя, скорби, трудных обстоятельств. Идите в такую пору за помощью к Божией Матери, как советовала мне Пелагеюшка. Излейте перед ней в горячей молитве вашу скорбь, дайте доброе обещание.

Пес я буду, если Божия Матерь вам не поможет.

Но, получив Ее помощь, обязательно обратитесь к Ней с благодарностью и выполните свое обещание.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДЕТСТВО

Часть вторая. НАСТОЯЩАЯ ШКОЛА

Часть третья. ДАНИЛОВЦЫ

Часть четвертая. У ТРОИЦЫ

ISBN—5—87310—039—X

ЛР 060151 от 29.08.91. Сдано в набор 28.06.96. Подписано в печать 15.07.96. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Объем 10,0 п.л. Заказ 1053

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Калужской типографии стандартов. Московская, 256.
ПЛР 040138

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ МОСКВЫ XX ВЕКА

Книга Михаила Макарова представляет из себя воспоминания о жизни Москвы начала нашего века. Автору удалось сохранить в памяти много светлого о таких личностях того времени, как свт. Патриарх Тихон, митрополит Сергий Старгородский, архидиакон Константин Розов, о насельниках Даниловского монастыря. Книгу не скучно будет прочесть людям любого возраста.

